

ПАВЕЛ
ВЕЖИНОВ

ОЗЕРНЫЙ МАЛЬЧИК

Павел Вежинов

ОЗЕРНЫЙ МАЛЬЧИК

Павел Вежинов

ОЗЕРНЫЙ МАЛЬЧИК

София Пресс 1983

© Павел Вежинов, 1978

с/о Jusautor, Sofia

© Перевод с болгарского *В. Горбунова, 1983*

© Художественное оформление *Р. Ракшиева, 1983*

с/о Jusautor, Sofia

До туристской базы „Гончар“ мы добирались на газике по какой-то невообразимой дороге, словно грубо высеченной топором прямо в скалах. Все выше и выше поднимались мы по почти отвесному горному склону. Воздух стал прозрачно-голубым, плоские облака висели над гигантской долиной, как бетонные плиты, готовые в любой момент рухнуть и раздавить ее своей тяжестью. Дорога делалась все уже, кое-где встречались небольшие осыпи, и широкие шины автомобиля едва не касались края пропасти. Мне становилось не по себе, я уже не смел смотреть вниз, в бездну, где белая ниточка реки становилась все тоньше и незаметнее. Газик трясся на своих жестких рессорах, мотор хрипел и захлебывался. На дороге появилась вода, сочившаяся прямо из рассеченной плоти скал, по которым ползли влажные лишайники. Путь становился все более каменистым. В лучшем случае здесь могли разминуться две лошади, но ни в коем случае не две машины. Я даже не осмеливался спросить, что будет, если нам действительно кто-то встретится. Мои спутники как будто вообще об этом не думали. Терпеть не могу людей без воображения или без нервов, все равно. Полковник небрежно расположился рядом с шофером, его крупное смуглое лицо казалось совсем безучастным. Лейтенант колол своими мускулистыми руками грецкие орехи и любезно предлагал их мне. А меня так и подмывало выругаться,

выйти из машины и в сердцах на самого себя отправить-ся назад. И все-таки я знал, что никогда этого не сделаю. В конце концов они карабкались к облакам без всякой на то необходимости, только ради меня.

Когда мы наконец добрались до места, я потерял всякий интерес к рыбалке. Озеро лежало подо мной, неподвижное и мертвое. Оно походило на огромный, хорошо отполированный агат с твердыми концентрическими кругами, которые бледнели ближе к берегам. Тень от облаков делала его в центре почти черным, похожим на мрачный вход в ад. Мои спутники отправились по тропинке, ведущей к базе. Оставшись одни, они заговорили так оживленно и по-свойски, словно не виделись несколько лет. Я опустил на влажную траву и чуть ли не перекрестился от облегчения. Потом все еще дрожащими пальцами собрал свой легкий английский „телескоп“ — лучший спиннинг, какой у меня был. Закрепил катушку, протянул через кольцо леску. Долго гадал, какую блесну выбрать, потому что до сих пор никогда не ловил рыбу в высокогорном озере. Наконец остановился на той, которую, будь я на месте рыбы, заглотил бы сам, и начал медленно спускаться вниз. И еще раз убедился в том, как обманчивы расстояния в горах, где прозрачный воздух делает все предметы необыкновенно ясными и близкими. Спускался я почти десять минут. Озеро медленно увеличивалось в размерах. И только приблизившись вплотную, почувствовал свежее дыхание воды, чистое, как аромат цветка, только немного су-ровее. Но впечатление безжизненности осталось — ка-кая рыба может водиться в этих холодных, мертвых водах? На всем берегу не было ни одного рыбака, никого вообще, ничего, кроме камней, пустоты и пресного дыхания сползающего с вершины льда.

Я забросил спиннинг как можно дальше, дал блесне опуститься до дна и начал медленно наматывать леску

на катушку. Уже при втором броске клюнула огромная рыба. Медленно подвел ее к мелкому месту, но как ни внимательно маневрировал, леска не выдержала, и рыба ушла. Я ясно видел, что это была „американка“, наверное, около килограмма весом. Мне никогда раньше не попадалась такая крупная форель. Как все опытные рыбаки, я использовал для блесен как можно более тонкую леску, не рассчитывая на такие исключительные экземпляры. Всегда думал, что такие рыбы существуют только в воображении рыбаков. После неудачи забрасывал спиннинг еще целый час, распалившийся, полный видений и надежд. Блесна зацепилась за подводные камни и оборвалась, и я сразу же заменил ее новой. Наконец подцепил небольшую форель, граммов на сто, и повел ее к берегу. Еще когда она схватила блесну, я увидел, как в глубине сверкнуло ее белое брюшко. Хотя и маленькая, она очень сильно рвалась, отчаянно борясь за свою жизнь. Как я понял позднее, не только за свою. Человек никогда не знает, что ему готовит судьба. На шаг больше или меньше, всего минута или даже секунда — и на нас с огромной силой обрушивается счастье или печаль, грусть или горькое разочарование, начинает сиять надежда, которую мы таили в своем сердце всю жизнь. Все равно какая, великая или страшная, бессмысленная или жалкая, ласковая или суровая, судьба никогда не предупреждает нас о своем приходе. Я тащил рыбу, не сознавая, что, по сути дела, делаю. Просто вертел катушку, немного обрадованный, но больше, конечно, разочарованный. Потом вскинул спиннинг, рыба блеснула в воздухе, как острие топора, направленное в мое сердце. Я опытной рукой схватил на лету ее холодное гладкое тело. В отличие от первой это была горная форель, пеструха, с нежными розовыми крапинками на темной спинке. Необыкновенно чистая и гладкая, необыкновенно красивая. И если у меня была хоть

капля настоящей человеческой совести, я должен был сразу же выпустить ее обратно в озеро. Было ясно, что я вряд ли поймаю еще одну. Зачем мне всего одна рыба, — только чтобы потом бросить ее, высохшую и потерявшую свою красоту, где-нибудь на берегу. Но я положил ее в корзинку и сразу же забыл о ней, хотя она все еще билась о ее плетеные стенки.

И вскоре после этого я увидел мальчика. Он появился внезапно и бесшумно, как какой-то озерный дух. В первый момент я даже вздрогнул, хотя ничто более невинное и милое не могло появиться здесь перед моими глазами. На первый взгляд это был самый обыкновенный мальчик, довольно худенький, в длинных синих брючках и сером свитере. В его внешности как будто не было ничего особенного. И все же я чувствовал, что это не так. У него было очень одухотворенное тонкое лицо, хотя его черты были размыты, словно я видел его сквозь слой воды. Это ощущение мучает меня до сих пор. Наверное, этот странный эффект был вызван отблесками озера. Самое сильное впечатление на меня произвели его глаза — круглые и черные, похожие на перезревшие вишни. . . Мальчик приблизился к корзине и осторожно ее открыл. Его лицо словно засветилось. Только сейчас я заметил, сколько в нем таилось внутренней красоты.

— Какая красивая! — воскликнул мальчик. — Даже красивее озера!

Я не ответил, только обернулся и посмотрел на его сияющее лицо. Никогда раньше я не видел, чтобы кто-нибудь так смотрел на обыкновенную мертвую рыбу.

— Но она живая! — вздрогнул внезапно мальчик, словно угадав мои мысли.

— Что-то не верится, — ответил я.

В самом деле, форель очень нежная рыба, и по сравнению с другими умирает довольно быстро.

— Я могу ее оживить! — вдруг сказал мальчик.

— Вряд ли, — я наконец улыбнулся. — Вряд ли, мой мальчик.

— На самом деле могу! — ответил он серьезно.

— Хорошо, тогда возьми ее и делай что хочешь.

Облегчение и радость, которые я в этот момент почувствовал, показались мне совсем детскими. И я попытался перевести все в шутку.

— Если ты ее оживишь, она, может быть, исполнит три твоих желания.

— Три — это ужасно много! — сказал мальчик.

— Одного вполне достаточно. — И он улыбнулся, чтобы показать, что принимает шутку. — А если она спросит меня, какое ваше самое большое желание?

— Не знаю, — ответил я. — Может быть, чтобы снова выросли волосы.

Он с любопытством посмотрел на меня, но моя лысая голова была тщательно прикрыта рыбацкой кепкой.

— Наверное, потом вы будете жалеть! — сказал мальчик. — На свете есть так много более важных дел.

Он действительно выражался слишком изысканно для десятилетнего мальчика.

— Пока мне хватит и этого, — пожал я плечами.

Мальчик улыбнулся, с бесконечной осторожностью взял рыбку в ладони и направился к мелководью. Мне больше нечего было здесь делать. Я отцепил блесну, собрал спиннинг и нехотя пошел к турбазе. Как и все рыбаки, я очень чувствительно относился к успехам и неудачам. Сразу же представил себе, с каким безмолвным пониманием переглянутся мои спутники. Кроме всего прочего, я израсходовал и государственный бензин. Поднявшись к базе, я прежде всего увидел новенькую „Ладу“, сверкавшую на полуденном солнце всеми своими никелированными частями. И никакой другой жизни. В ресторане тоже было очень тихо и сумрачно, небольшие окна, прорезанные в крыше, пропускали

слишком мало света. В уютном полумраке я сразу же заметил моих приятелей, которые не спеша угощались домашней ракией, налитой в бутылку из-под растительного масла.

— Как дела, маэстро? — шутливо спросил полковник.

— Пусто, — я фальшиво улыбнулся.

— А мы все равно будем есть рыбу! — довольно сказал полковник. — И не какую-нибудь!

Мне протянули бутылку. Они с ней немного опоздали, надо было предложить мне выпить, когда у меня на горной дороге душа уходила в пятки. Я все-таки отхлебнул довольно большой глоток. В глазах лейтенанта появилось уважение. Усевшись на массивный деревянный стул, я еще раз приложился к бутылке, чтобы прийти в себя. И вдруг все мое плохое настроение, последние остатки напряжения от дороги — все куда-то улетучилось. Я почувствовал себя легко, расслабленно, освободился от давившего на меня чувства вины. В сущности, какой вины? Что плохого я совершил? Только намного позднее я понял, чем было вызвано это ощущение — я просто избавился от рыбы. Мальчик, конечно, ее не оживит, но так или иначе, я от нее избавился. У нас со спутниками сразу завязалась беседа, подогретая выпитым алкоголем. Я рассказал им о сорвавшейся рыбине. Они снисходительно улыбнулись. Наверное, не первый раз слушали рыбацкие рассказы. Но о мальчике, не знаю почему, я им ничего не сказал. Только огляделся вокруг, чтобы узнать, с кем он приехал.

Во всем ресторане был занят еще только один столик. Довольно далеко от нас, но я все же успел рассмотреть сидевших за ним, не привлекая их внимания. Это были мужчина и женщина, не очень молодые, но и не старые, около сорока. Наверно, мать и отец мальчика. Он явно походил на мать, которая была такая же строй-

ная и худенькая, с таким же бледным, словно только что вымытым лицом, без каких бы то ни было следов грима. По сравнению со своим мужем она казалась чуть-чуть увядшей и жалкой. Тот выглядел солидным, у него было очень массивное и тяжелое лицо и какой-то странно прозрачный взгляд, словно под веками находились не глаза, а лимонадные шарики. Одет он был в пальто-жилетку крупной вязки, с красивой кожаной отделкой, и в безупречно сидевшие на нем спортивные брюки. И в этом отношении его жена в своем выгоревшем студенческом костюмчике выглядела совсем непримечательной. У меня было такое чувство, что она постепенно увяла во властной тени своего мужа, что безропотно передала ему все свои права. Позднее, когда судьба заставила меня внимательно изучить жизнь этих совсем незнакомых мне людей, я понял, что мои первые впечатления оказались весьма поверхностными. В общем, они оба не произвели на меня особого впечатления, мальчик словно не был их сыном. Или точнее, они вряд ли его заслуживали, он очевидно превосходил их по интеллигентности и чувствительности.

Мы действительно ели рыбу. Заведующий принес ее нам на грубых алюминиевых тарелках, зажаренную по-мужски, крупными кусками. Ее мясо было нежно-розовым, как у форели-пеструхи, хотя это была настоящая „американка“, по словам заведующего, „скрещенная“ с нашими породами. Я спросил, как ему удалось поймать это маленькое озерное чудовище.

— Да вчера в озеро молния ударила, — ответил он небрежно. — Поймал голыми руками, оглушенную.

Мои приятели недоверчиво усмехнулись. Да и я что-то не мог припомнить, чтобы вчера была гроза. Мы с удовольствием поели, ракия совсем нас развеселила. Она не была чем-то особенным — в этом суровом краю алычи, ежевики и щавеля нет хорошей ракии. Мы как

раз собрались уходить, когда в ресторан влетел мальчик. Он выглядел очень возбужденным, его лицо просто горело.

— Дядя, рыба ожила! — громко крикнул он. — Действительно ожила!

— Как ты это понял? — спросил я недоверчиво.

— Она уже плавает... Хотя и на спине.

— Ты пустил ее в озеро?

— Нет, в маленький бассейн... Загородил его камнями.

В этот момент отец мальчика сердито прикрикнул со своего места:

— Валентин, не мешай чужим людям!

— Они не чужие, — смущенно сказал мальчик.

— Не имеет значения. Иди сюда! — голос отца звучал все более властно.

— Папа,пусти меня к рыбе! — попросил мальчик.

— К какой рыбе?

— Этот дяденька подарил мне одну рыбку. И она ожила.

Мужчина посмотрел на меня своими прозрачными глазами — холодно, даже немного враждебно.

— Ты уже два часа висишь там. Простудишься.

— Папа, я тебя очень прошу! — в его голосе звучало чуть ли не отчаяние.

„Пусти мальчика, дурак! — подумал я, немного возбужденный выпитым алкоголем. — Оставь свои манеры для другого раза!“

Мне был знаком этот тип людей, которые, не имея возможности как-то иначе удовлетворить свою жажду власти, вымещают ее на детях. Его жена, до сих пор безучастно слушавшая разговор, неохотно вмешалась.

— Да пусть идет! Ведь мы приехали сюда из-за него. Пусть насытится своим озером.

Мужчина секунду поколебался, снова посмотрел на

меня — на этот раз уже совсем неприязненно, как на человека, который без разрешения ворвался в его квартиру.

— Хорошо, иди. . . Но чтоб через четверть часа был здесь. . .

Мальчик бросил на меня просветленный взгляд и молча выскочил наружу. Вскоре встали и мы. Выйдя на террасу, я увидел его сидящим перед озером на корточках, спиной к нам. Наверное, он все еще занимался своей рыбой, которая вряд ли когда-нибудь по-настоящему оживет. Или, кто знает, — может быть, этот одухотворенный мальчик действительно вернул ей жизнь. Мне очень хотелось окликнуть его и попрощаться, но я воздержался. В конце концов это был просто мальчик, и наши отношения не могли быть равноценными. Тогда я еще не понимал, как это глупо.

В Самоков мы вернулись по хорошей туристской дороге, удобной и для автомашин. Там на короткое время зашли в Городское управление. Как-то неудобно было распрощаться с моими гостеприимными хозяевами просто так, на улице. Когда мы вошли в кабинет полковника, его телефон громко и настойчиво звонил. Я почувствовал какое-то смутное беспокойство — мне показалось, что ищут меня. Полковник сделал несколько шагов к столу и небрежно взял трубку. До нас донесся неясный человеческий голос, — как мне показалось, довольно встревоженный. Полковник какое-то время слушал, потом его лицо вдруг потемнело и словно окаменело.

— Да, хорошо, — ответил он. — Я немедленно пошлю к тебе людей.

Он положил трубку и обернулся к нам.

— Мальчик утонул, — сказал он просто.

— Какой мальчик? — вздрогнул я.

— Тот, которого мы видели на базе. Упал в воду и утонул.

Если бы меня даже ударили под ложечку, я вряд ли почувствовал бы себя так. Я стоял, ошеломленный, стараясь глотнуть воздух. И в тот момент просто не смел поверить своим ушам.

2

Мне около сорока пяти лет, по профессии я литератор, занимаюсь теорией эстетики. Могу сказать, что Гегеля знаю лучше самого себя, даже лучше, чем собственную жену. Человеку очень трудно познать самого себя, это удастся только гениям. И еще, может быть, ничтожествам. Но если гений просто примиряется с нечеловеческим в себе, то ничтожество превращает это в свое оружие. Что же касается моей жены, то я просто избегаю думать о ней. Почему? Да потому что она столь добра и безупречна, что любые размышления могли бы превратиться в ненужную эрозию. Жена по профессии врач, и отсюда проистекают некоторые мои маленькие беды. Когда-то давно ей удалось обнаружить у меня что-то вроде сердечной недостаточности. Этого ей было вполне достаточно для того, чтобы лишить меня курения и начать ревниво считать выпитые рюмки. Из всех моих маленьких увлечений и пороков осталась только рыбалка. Существуют такие женщины-инквизиторы, которые полностью присваивают себе право думать за мужа, сколь бы независимым и неприступным он сам себя не считал. Конечно же, это может быть вызвано искренней любовью и заботой, но иногда это просто проявление самого откровенного эгоизма, высшей формы власти и чувства собственности. Вот почему человеку не надо пытаться познать своего ближнего до конца, разумнее всего — принимать его с лучшей его стороны.

Когда я вернулся домой, жена сразу поняла, что что-то случилось. Я чувствовал на себе ее заботливый изучающий взгляд, но она молчала. Как и все знакомые мне женщины-врачи, она терпелива, тактична и немного бесчувственна. Может часами молчать, укоризненно смотреть на меня, пока я сам, наконец, не выдержу и не раззвоню даже о таких вещах, о которых она и не собиралась меня спрашивать. Но на сей раз ее тактика не приносила результата. Я чувствовал, что скорее решусь прыгнуть с балкона, чем рассказать ей страшную истину. Но когда мы сели ужинать, она все-таки не удержалась.

— Ты что-то от меня скрываешь!

— С чего ты взяла? — сухо ответил я.

Потом включил телевизор, но не видел экрана, настолько меня угнетали мои мысли. К восьми вечера нервно зазвонил телефон, — так, как обычно звонит междугородняя. По моему телу пробежали мурашки. Я встал и подошел к телефону. В трубке зазвучал густой бас полковника.

— Ничего особенного не могу вам сообщить, товарищ Найденов. . . Мальчик просто упал с берега и захлебнулся.

Хотя он все еще был расстроен, я чувствовал в его голосе какую-то досаду. Наверное, этот человек не мог понять мой особенный интерес к данному случаю. Любой другой на моем месте, наверное, постарался бы его забыть.

— Вы сказали, что он упал с берега! — сказал я нетвердым голосом. — Как это установлено, товарищ полковник?

— Может быть, я плохо выразился. Но что же еще можно предположить?

— Не знаю. Но в том месте, где я видел его в послед-

ний раз, берег совсем пологий, к тому же мелко. Он не мог упасть оттуда, а тем более утонуть.

— Есть и крутые берега, — неохотно ответил полковник. — Там и глубина пять-шесть метров. Почему вы думаете, что мальчик стоял все время на одном и том же месте?

— Но какой берег там, где вы нашли мальчика? Крутой или пологий?!

— Пологий. . .

— Вот видите!

— Что „вот видите“? — спросил нервно полковник. Он действительно не мог догадаться, какие мысли меня мучили.

— Получается, что это не несчастный случай.

— А что же, по-вашему? Преступление? Кто и за что может убить невинного ребенка? Неужели вы не понимаете, что это просто глупо?

— Все-таки, и эту возможность не следует исключать априори.

— Она исключается сама по себе. Кроме сторожа и родителей, на базе никого другого не было. Да и те, трое, все время были вместе.

Я с трудом проглотил застрявший в горле комок и сказал:

— А представьте себе, что он покончил жизнь самоубийством. . .

На том конце провода полковник невольно засопел, как мне показалось, возмущенно.

— Что вы несете! Как может покончить самоубийством десятилетний мальчик? Мне до сих пор не приходилось слышать о подобном случае.

— А я такой случай знаю! . .

Только сейчас я почувствовал, что жена внимательно слушает наш разговор. Ничего, пусть слушает, черт возьми! . . Полковник вдруг замолчал, а потом сказал

каким-то особенным, я бы сказал, умоляющим голо-
сом.

— Но, товарищ Найденов, ведь мы все втроем видели Валентина незадолго до этого! Скажите, разве он походил на мальчика, собирающегося покончить самоубийством?

Действительно, не походил. И пока мы были с ним только вдвоем, он показался мне, пожалуй, даже жизнерадостным. Но кто может заглянуть в душу десятилетнего мальчика? Наверное, это труднее, чем проникнуть в мысли сфинкса.

— Ладно, товарищ полковник. . . Извините за беспокойство, — ответил я примирительно. — Но этот случай меня действительно расстроил. . . Как и вас, предполагаю. . .

— Да, вы правы. И все-таки должен вам сказать, товарищ Найденов, что каждый год у нас тонут сотни детей. . . И при самых невероятных обстоятельствах. Иногда нельзя себе и представить, что может выдумать ребенок. . .

На этом наш разговор закончился. Я поднял голову и увидел жену, прослонившуюся к дверному косяку. По ее лицу было видно, что она следила за нашим разговором от начала до конца. И не только слышала мои слова, но и мысленно воспроизвела, что говорил полковник. Мне показалось, что она смотрит на меня очень озабоченно. Но когда она заговорила, ее голос прозвучал как всегда спокойно и уверенно.

— Геннадий, выбрось эту глупую мысль из головы!

— Какую мысль? — вздрогнул я.

— Что ты виновен в смерти ребенка!

Я слушал ее, пораженный. На самом деле, мне казалось, что мальчик утонул, когда пытался оживить мою глупую рыбу. Если бы не она, он и сейчас был бы жив! Сколь же глубоким инстинктом должен был обладать

его отец, когда он так враждебно смотрел на меня! Хотя и невольно, я погубил его сына.

— Разве ты не понимаешь, что это была чистая случайность! — продолжала она так же уверенно. — Никто не знает, что может взбрести ребенку в голову. В поведении детей часто нет абсолютно никакой логики! . .

Чистая случайность! . . Хотя она и знала меня очень хорошо, на сей раз выбрала неудачное слово. Для человека с двумя высшими образованиями, одно из которых философское, это слово означает намного больше, чем для обычных людей. Жизнь человека действительно состоит прежде всего из случайностей. Но они так же прочно связаны друг с другом, как кольца средневековых стальных кольчуг. И то, что их связывает, называется необходимостью.

— Нет, не случайность! — ответил я. — Он был сверхинтеллигентным мальчиком. Скорее, случайно могла бы утонуть ты, а не он. . .

— Спасибо! — обиженно сказала она и вышла из комнаты.

Как и все кабинетные люди, я трудолюбивый человек. Но все мое трудолюбие ограничивается моими книгами и рукописями. В обычной, как говорится, будничной жизни я совершенно инертен. Может быть, жена приучила меня к такому способу существования за долгие годы нашей совместной, общей жизни, — такой общей, что иногда я едва отличал себя от нее. Она всегда и охотно замещала меня везде, где надо было проявить какое-нибудь досадное усилие. Она была на самом деле очень доброй, не смотря на то, что так ловко превратила меня в свою собственность. Оставшись один, я тяжело вздохнул и как-то неосознанно сел за письменный стол. Он был моей истинной крепостью, здесь я чувствовал себя самым свободным и сильным. А сейчас мне как раз и были необходимы сила, безгранич-

ное терпение и упорство. Я должен был пройти весь путь — от начала до самого конца. Я знал, что не успокоюсь, пока не узнаю всю истину, пока не разберу колечко по колечку всю стальную кольчугу. Не могу носить в себе чувство вины, даже самая маленькая вина давит на меня камнем. Я должен смыть ее до конца или чем-то ее искупить.

В этот день я лег поздно ночью. Чувствовал, что жена не спит, но из-за гордости она не решалась заговорить со мной. Наверное, ждала, что первым заговорю я. Но я молчал, занятый своими мыслями. Теперь я уже понял, что оказался участником этой странной сцены жизни довольно поздно. Занавес только что опустился, его тяжелые складки еще покачивались и волновались. Притихшая публика все еще сидела в недоумении. Сейчас я хочу сделать только одно — восстановить факты. Постараюсь, насколько это возможно, скрыть свои чувства, все это время терзавшие мою душу. А как вы поймете, факты эти совсем обыкновенные, необыкновенный во всей этой истории только мальчик. Но если бы не он, мы трудно добрались бы до самой истины.

3

Величайшей гордостью в жизни Радослава Радева был его превосходный дом. Сегодня люди как будто все реже употребляют это слово. Сегодня обычно говорят „квартира“. Но это совсем не одно и то же. Радослав считал, что у него есть дом, потому что построил его своими руками, хотя и не собственными.

В сущности, они жили в квартире, хотя и в одном из лучших кооперативов города. Здесь, по его собственному выражению, жили только „важные шишки“. Но что он сам делал среди этих „шишек“, людям было не сов-

сем ясно. А в сущности дело обстояло совсем просто. „Шишки“ потому и есть „шишки“, чтобы не заниматься мелочами. Но кто-то все равно должен был делать за них черную работу. И тогда они нашли Радослава Радева. По их мнению, он был человеком чрезвычайно практичным, к тому же как юрист отлично знал законы, особенно те, которые надо было каким-то образом обойти. У него, несомненно, были самые обширные связи с различными учреждениями и ведомствами, от которых зависело строительство достойного своих обитателей жилого дома. Некоторые все же считали его бессовестным и наглым в достижении поставленной перед ним важной цели. Это было не совсем так, — он был, в общем, умеренным и тактичным человеком, хотя и умел преследовать свои цели до конца. А в данном случае ему действительно пришлось проявить исключительное упорство.

Дело в том, что для постройки этого красивого, облицованного белым камнем дома надо было разрушить весьма неприглядный домишко. К несчастью будущих жильцов, этот домишко был построен в конце прошлого века довольно известным деятелем эпохи болгарского национального Возрождения. Правда, потомки столь достойного человека не пошли по его стопам. Его сыновья и внуки стали совсем обыкновенными, безличными и безгласными служащими старых режимов. Только в последнем из оставшихся в живых потомков этой старинной фамилии как будто разгорелась какая-то частичка того священного огня, которым всю жизнь горел его прадед. И вместо того чтобы удовольствоваться прекрасной квартирой в новом здании, он вдруг неожиданно для всех заявил, в необходимой форме, конечно, что готов немедленно подарить и участок, и дом государству, если здесь будет создан музей. А дом на самом деле был доверху забит старинными книгами, ру-

копиями и самыми разными архивными материалами, собиравшимися десятилетиями, которые до сих пор никто серьезно не изучал. Вообще весь этот дом представлял собой какой-то странный, чудом сохранившийся осколок старого мира, которого не коснулось ни одно бурное событие века. Два весьма солидных учреждения культуры поддержали эту идею. Известный архитектор выступил в прессе и заявил, что нельзя просто так, без стыда и совести, разрушать все старинные здания в городе, даже если они и не представляют собой особой архитектурной ценности. История, какой бы она ни была, не может существовать только в книгах, — тогда она просто перестает быть живой историей. Она живет и в вещах, которые ей принадлежали, в домах, даже в целых улицах. И не может претендовать на свою историю народ, который легкомысленно разрушает все ее следы.

Разумеется, архитектор был прав, хотя практичных людей эти проблемы мало интересовали. Вот с какими сильными противниками должен был бороться Радослав Радев. Некоторые наиболее предусмотрительные „шишки“ сочли, что битва проиграна с самого начала и не следует впутывать сюда свое имя. Но все-таки местечко было чертовски хорошее, и было жаль так просто его упускать. В конце концов сошлись на решении, что немного рискнуть все-таки можно. Да и чем они рисковали, поручая это дело Радославу Радеву?

И Радослав Радев бросился в бой с необыкновенной яростью и остервенением. Перед ним маячил его личный идеал. И этот идеал был вполне современным — красивый каменный дом вместо старой развалюхи, полной плесени отдающих нафталином воспоминаний. И за белоснежным фасадом — его собственный дом, такой, каким он его представлял по проекту — с двумя туалетами и венецианской мозаикой. Со встроенными

шкафами из государственного дуба в комнатах. Ради всего этого стоило напрячь силенки. Любой другой на его месте не выдержал бы, просто бы рухнул перед бесконечными и необозримыми преградами. Но Радослав не отчаивался. Он знал, что борется за себя, за свое священное право на дом. А его противники боролись за принципы, даже за параграфы. Он знал, что в этом мире никто не борется за принципы достаточно долго, все это не для конца двадцатого века. И незаметный в своем учреждении юрисконсульт не только не рухнул, но с каждым днем все более приосанивался, начинал казаться все внушительнее, все более достойным уважения. Его сила и власть становились все более очевидными. Он так часто сновал между кабинетами своих будущих соседей по дому, так много часов провел там, что в конце концов с полным правом стал и себя считать важной персоной. И понесся по учреждениям и ведомствам, как настоящий лев, хотя истинные львы ничем ему не помогали. Ему было вполне достаточно отблеска их величия.

И в конце концов Радослав Радев победил. Он сумел доказать во всех инстанциях, что старый дом не представляет никакой архитектурной ценности, и как экзема только портит величественное лицо социалистического строительства. И что его бывший владелец — честь и слава ему за его патриотические дела! — после Освобождения якобы стал видным деятелем консервативной партии, так что с чего бы это вдруг нам создавать музеи разных там буржуазных консерваторов. Когда же наконец документы, удостоверяющие собственность на квартиру, были подписаны, Радослав Радев заявил жене:

— Это самая большая победа в моей жизни!

— Помолчал бы лучше! — тихо ответила жена.

Чтобы приблизиться к истине, может быть, надо

сказать несколько слов и о ней. Звали ее Лора, и все говорили, что девочкой она была очень похожа на известную красавицу начала века. Она происходила из семьи видного столичного сановника, крайне обедневшей после революции. В жизни Лоры была одна-единственная страсть — театр. Ее ранние попытки стать актрисой закончились безуспешно. Конечно, ей все еще давали небольшие роли, в большинстве случаев почти без реплик, но постепенно ее фамильная гордость взяла верх — она исчезла со сцены, навсегда оставшись за непривлекательной изнанкой кулис. Из плохой актрисы она стала отличным суфлером одного из столичных театров. И отдалась своей новой работе с подлинной страстью. Уже много лет она не пропускала в театре ни одного спектакля, и хотя однажды довольно серьезно заболела гриппом, в театр ходить не перестала. Сидела в глубине директорской ложи, дрожа от болезненной слабости и своей испепеляющей театральной страсти. И так ненасытно смотрела на сцену, как будто каждый спектакль был для нее совершенно новым, словно она смотрела его впервые. Она знала наизусть все пьесы, которые ставились в театре, даже самые бездарные. Но и их она населяла своим собственным миром, и в ее душе они превращались в настоящие шедевры, с подлинными человеческими чувствами и страстями.

Лишь одну-единственную пьесу у нее не было сил смотреть — „Нору“ Ибсена. Во время этого спектакля она скрывалась в каком-нибудь темном углу позади кулис, слушала только слова и неудержимо плакала. Никто не мог ее успокоить. Домой она возвращалась совершенно разбитой, к тому же на такси. Обычно его вызывал и оплачивал старый суфлер, который, как и она, перестрадал на своем колченогом суфлерском стуле все человеческие страсти.

— Как так — помолчал бы! — Радослав удивленно посмотрел на нее. — Разве это не правда?

— Ты победил старика! — сказала она. — Но он этого тебе не простит, вот увидишь.

— Дура ты! — со злостью ответил Радослав.
— Вместо того чтобы целовать мне руки за то, что я даю тебе такой прекрасный дом. . . Тебе и твоему сыну.

Лора ничего не ответила, только встала и вышла из комнаты. Она вовсе не была тенью мужа, как думали некоторые. Была сильнее его, самостоятельнее, ее не так-то просто было сломить. Трудно признавала свои ошибки, даже перед самой собой. Она ни за что не призналась бы, что ошиблась и в этом громадном пустом мужчине. Искренне верила, что таким его знала и таким приняла. Но это было неправда — она просто обманулась.

4

В то время Валентину было всего четыре года. Они жили в холодной старой квартире на улице Шейново. В вечном полумраке высоких узких окон мальчик рос худеньким и бледным. Или, точнее, жил как бледная тень рядом с постоянно строящим какие-то планы отцом и витавшей в облаках матерью. Было бы ужасно несправедливо сказать, что они не любили своего ребенка. Любили его, каждый, естественно, по-своему, но были так заняты своими земными и неземными видениями, что часто совершенно о нем забывали. Мать работала только по вечерам. Потом спала почти до обеда, вставала мрачная и неразговорчивая, на скорую руку что-то готовила, но почти не ела. Выходила из дому редко. Люди ее раздражали, она сознательно их сторонилась. Терпеть не могла бритых-недобритых типов, непричесан-

ных, длинноволосых, бородатых, без галстуков. А еще больше не выносила женщин. Ненавидела толкотню, очереди, хозяйственные сумки и авоськи, газеты, телевидение, большие праздники. Иногда не выходила неделями. Настоящая жизнь была для нее только там, под слепящим светом прожекторов, на сцене. Ей даже в голову не приходило, что ее сын нуждается в еще каком-то общении, в человеческой среде. Она всегда считала, что каждый ребенок, вступив в контакт с другими детьми, сразу же превращается из маленького человека в маленького зверя, тем более хищного, чем многочисленнее и крикливее ребячья орава. Великие люди, гении человечества, — думала она, — всегда жили в уединении и тишине.

Лора уходила на работу около пяти. К шести неизменно возвращался ее муж. У Радослава как будто не было никаких пороков. Не курил, не пил, не играл в карты. Единственной его слабостью были газеты и телевидение. Он часами смотрел все передачи подряд, пока не засыпал, уставший, в старом семейном кресле. Там его и находила жена, вернувшись, взбудораженная, со своих спектаклей... Они на скорую руку ужинали и отправлялись в спальню. Спали они на отдельных кроватях. Если бы кто-нибудь наблюдал за ними в эти последние минуты дня, то трудно смог бы себе объяснить, как вообще появился на белый свет Валентин.

А Валентин был на самом деле тихим ребенком. Чем больше рос, тем более задумчивым и замкнутым становился. Не любил играть с другими детьми, не гулял. Иногда, очень редко, мать выводила его в ближайший скверик. Там они садились на какую-нибудь скамейку под огромными развесистыми деревьями, такими же старыми, как и сам город. Она сразу же погружалась в свой нереальный мир грез и героев, которые мучили себя и страдали под искусственным светом ламп. Вален-

тин сидел на краю скамейки, как на краю берега могучей и бурной реки. И долго ждал, прежде чем решиться отправиться в какое-нибудь рискованное путешествие. И все-таки не удерживался. Иногда она вздрагивала, словно пробудившись, — там, на скамейке, — и искала взглядом сына. Видела его где-нибудь неподалеку, стоящим возле детей, которые играли в свои шумные крикливые игры, вели сражения, стреляя из деревянных автоматов, неслись, вытаращив от напряжения глаза, на воображаемых суперавтомобилях. Мальчик смотрел на них и словно не видел. Никогда не присоединялся к ним, как будто это были дети из какого-то совсем другого мира. Со своей дальней скамейки Лора не могла видеть его глаз, а то бы испугалась. Его глаза были полны не детского, даже нечеловеческого недоумения. Это были глаза не ребенка, а старика, наблюдающего за бессмысленной суетой мира. Там, на своей скамейке, она была им довольна. Мальчик был разумным, спокойным, самоуглубленным. Она и сама не могла терпеть детей крикливых и буйных, детей болтливых, детей любопытных. У ее сына не было ни одного из этих пороков. Но не было, по ее мнению, и никаких особых добродетелей. Это ее не особенно беспокоило — в конце концов все вундеркинды кончают плохо.

На первый взгляд Валентин действительно не отличался особенной любознательностью. Или по крайней мере редко задавал те извечные вопросы, которыми дети донимают своих родителей. Слово „почему“ как будто вообще отсутствовало в его словаре. Даже когда он задавал некоторые из своих странных вопросов, этого слова не было.

— Мама, что красивее, цветы или люди?

Мать пожала плечами. Они сидели в сквере, и рядом на самом деле алели поздние осенние цветы. Лора безразлично и рассеянно взглянула на них.

— Это совсем разные вещи.

— Нет, не разные!.. — убежденно сказал мальчик. — Все живое похоже друг на друга.

— Не знаю, что представляют собой цветы, — ответила мать, — но люди — это животные.

Мальчик посмотрел на нее, но ничего не сказал. Потом повернулся и медленно пошел по аллее. За какие-то секунды мир изменился, стал совсем другим, непохожим на прежний. На скамейках сидели мясистые женщины с толстыми пороссячьими ножками и острыми копытцами. Они еще не хрюкали, только поводили носами и сопели. Ребячья детсадовская мелюзга, затаенная в зеленые переднички, скакала, как лягушата, вытаращив свои круглые глаза. Внезапно в его сторону направилось несколько девочек, вытягивая длинные белые шеи и шипя, как гуси. Потрясенный мальчик шел между ними, пока его не покинули последние силы. Ему хотелось броситься назад, скрыться в теплых объятиях матери, но он не мог сдвинуться с места.

И тогда он увидел принцессу, которая шла навстречу и улыбалась. Светлые волосы свободно падали на ее плечи. Ее глаза сверкали, как звезды. В одной руке она держала шоколадное мороженое на палочке, а в другой — скакалку. На ее передничке была вышита огромная синяя бабочка. Внезапно бабочка полетела ввысь, огромная и сильная, как голубь. Кто-то выстрелил, она разлетелась на тысячи маленьких осколков, и они начали падать на землю, как синий снег.

Мальчик засмеялся и подошел к матери.

— Мама, люди не животные.

— А кто же, по-твоему? — спросила мать, не отрываясь от своей книги.

— Не знаю. Волшебники.

— Только этого им не хватало! — проворчала с досадой Лора.

— Знаешь, я буду волшебником! — решил в этот миг мальчик. — Совсем настоящим, не как тот, в цирке.

И его мать никогда не узнала, что он действительно им стал. Валентин тайно превратился в маленького волшебника, или колдуна, — все равно. И совершал различные волшебства и чудеса. Наверное, нет ничего более увлекательного на этом свете, чем совершать какие-нибудь чудеса. Вот и сегодня, например, когда он стоял на балконе и смотрел во двор, он совершил одно настоящее смешное чудо. Их сосед, низкий и толстый человечек, только что забрался в свою машину и собирался включить зажигание. И в этот миг Валентин превратил его в поросенка. В первый момент человек как будто не поверил своим глазам, начал визжать как бешеный, биться в дверцу, наверное, пытаясь ее открыть. Но что он мог сделать своими жалкими копытцами! Попытался ухватиться за руль, нажать педаль, но короткие ножки никуда не доставали. Наконец он все-таки как-то открыл дверцу и ужасно визжа бросился во двор. Он был так напуган, что дорогой перевернул все мусорницы — все до одной.

— Что ты там хихикаешь? — удивленно крикнула мать из кухни.

— Ничего, ничего, это я просто так! — виновато ответил мальчик.

И поспешно снова превратил поросенка в человека. Тот только отряхнулся, бросился к машине и исчез, как дым, из опасного двора.

Через два-три месяца Валентин уже мог делать самые разные чудеса, все, что пожелает. Он превратил город в огромный красивый парк, в котором цвели и благоухали огромные цветы, каких он до сих пор никогда не видел. Но так как люди их топтали и рвали и

вообще делали разные пакости, он превратил их в бабочек. Только себя оставил человеком, точнее, мальчиком, хотя и значительно постарше, чем был сейчас. Он был одет в черные бархатные одежды, высокие серебряные чулки и золотые туфельки. После некоторых колебаний сделал свои волосы русыми и курчавыми. Нарядившись таким образом, он наконец понял, что ему не хватает принцессы. Попытался ее создать, но неизвестно почему ему это все никак не удавалось. То, что он создавал, все было не тем, что хотелось. И он, разочарованный, бросил работу на полпути.

Однажды к нему прилетела маленькая грустная бабочка. У нее были огромные красивые глаза, но на крыльшках не было никакой пылицы. Они были совсем прозрачными, как крылья пчел и насекомых. Маленькая грустная бабочка вернулась из страны людей. А так как она была очень красивая, они постоянно гонялись за ней — с шапками, сачками, или просто пытались схватить руками. Они ее так и не поймали, в последний миг ей всегда удавалось спастись. Но они сорвали с нее чудесную пылицу, и сейчас бабочка была очень несчастной.

— Не плачь, милая бабочка! — сказал мальчик. — Я верну тебе твои прекрасные краски. И ты станешь еще красивее, чем была раньше.

— Только это невозможно! — ответила бабочка.

— Потеряешь ли пылицу — с тобой кончено.

— Да, но не с тобой! — сказал мальчик. — А сейчас жди меня здесь, я скоро вернусь.

Маленькой грустной бабочке и без того было некуда идти. Она и так стыдилась показаться на глаза другим бабочкам со своими жалкими голыми крыльшками, голой и некрасивой, как червячок. Мальчик пошел к цветам, взял у них их самые лучшие краски, а из стебельков сделал маленькие изящные кисточки. Потом вер-

нулся к бабочке и глубоко задумался. Какие краски выбрать? Так он думал от восхода до заката, и наконец решил — синюю и золотую. На следующий день сразу же принялся за работу. Вокруг собрались сотни, тысячи бабочек, чтобы посмотреть, как он работает. И когда он наконец закончил, все восхищенно ахнули. Никогда еще в стране бабочек не жила такая красивая и изящная бабочка. Она была вся синяя, синее небесной лазури. Золотыми были только усики и нежные каемочки крыльев. Все бабочки онемели от восторга, даже сам мальчик подивился своему умению.

— Вам нравится? — спросил он гордо.

— Она прекрасна! — ответили все хором. — В нашей стране никогда не было бабочки красивее.

Они оба были настолько счастливы, что решили пожениться. Все начали готовиться к невиданной свадьбе. Одни собирали цветочный нектар, другие месили из цветочной пыльцы золотые караваи. Создали грандиозный хор из миллиона бабочек, который должен был исполнить свадебный марш.

Пока Валентин готовился жениться, Радослав Радев усиленно действовал. Или, точнее, строил, что намного более мучительно. Если бы он знал, какими скрытыми талантами обладает его сын, ему было бы намного легче, но в то время он почти его не видел — настолько был занят. Он безостановочно сновал между Софией и провинцией, поднимался и спускался по бесчисленным лестницам, стучал в бесчисленное число дверей. Иногда, охваченный беспокойством и роящимися в голове мыслями, он не мог заснуть целыми ночами. Но в конце концов его труд не пропал даром. Он сумел достать самый лучший цемент — такой, какой отправлялся на экспорт. Кирпичи, которые привез на стройку целый караван грузовиков, звенели, как хрустальные бокалы. Сам подобрал паркет, дубовую облицовку, фаян-

совые плитки, унитазы и биде загадочного розового цвета. Сумел нанять в строительной организации лучшую бригаду мозаичистов. Только теперь и другие члены кооператива начали появляться на стройке, карабкаться по этажам, мерить свои огромные гостиные портновскими метрами. Многие заказывали различные улучшения — начиная с мозаики и кончая дубовой обшивкой коридоров и гостиных. Радослав разумно перенял от каждого самое лучшее и использовал все это в своей квартире. К тому же все эти улучшения практически ничего ему не стоили — и без того все материалы были в его распоряжении. И без того все ему абсолютно доверяли и перевозносили, как бога. Он просто перестал ходить на работу — не слезал с лесов и этажей. Разумеется, основное время проводил в собственной квартире, наблюдая, как она рождается и формируется у него на глазах. Только Лора отказалась прийти взглянуть на нее. В театре репетировали „Дон Карлоса“, и сейчас ей было не до таких обыденных земных дел.

— На что мне там смотреть! — раздраженно ответила она Радославу. — Голые стены и больше ничего. Схожу, когда все будет готово.

Тогда она даже не поняла, что нанесла мужу смертельную обиду. Он вложил в эту стройку столько труда и старания, столько любви! Он, наверное, мог бы часами любоваться биде. У них никогда до сих пор не было собственного биде — ни у него самого, ни у его отца, ни у его деда. Никогда не было у него и ванны. И когда носильщики подняли ванну на его этаж, он разволновался, как ребенок. Настолько разволновался, что не удержался и лег в нее. Полежал так некоторое время, шурясь от удовольствия. Представил себе, как у самого подбородка плещется и ласкает его зеленоватая, напоенная ароматами вода. От упоения чуть в ванне не за-

снул. А когда наконец встал, всем своим существом понял, что в жизни Радевых наступила новая эра.

А теперь вдруг он остался один со своим счастьем. Неразделенная радость — только наполовину радость, как говорят люди. Кто дал ей право лишать его этой законной и заслуженной половинки? Он впервые почувствовал к жене не только глухую неприязнь, но чуть ли не ненависть. Только женщины — думал он — могут быть такими эгоистками, замыкаться в своем собственном мире, не интересуясь другими. Он чувствовал себя не только разгневанным, но и бескрайне разочарованным.

В это же время большое разочарование пережил и Валентин. Впрочем, пережил его из-за своих мечтаний, но они были для него намного важнее настоящей жизни. Однажды он сокрушенно подошел к матери и чуть ли не со слезами на глазах спросил:

— Мама, это правда, что бабочки рожают гусениц?

— Нет, не совсем так, — ответила мать. — Бабочки сносят яйца, а из яиц появляются гусеницы.

— Все равно! — безутешно сказал мальчик. — А я думал, что дети всегда похожи на своих родителей. . .

— Слава богу, не всегда, — ответила мать.

Валентин чувствовал, как красивая мечта улетает, и горе разрывало его сердце. Он и так до сих пор специально откладывал свадьбу. Ему и так казалось как-то неестественно жениться на бабочке, какой бы красивой она ни была. Его просто пугала мысль, как он поцелует ее в день свадьбы. Конечно, для настоящей любви поцелуи не самое важное. Но когда он узнал, что кроме всего прочего у него родится целый легион маленьких гусениц, совсем отчаялся. Надо было отбросить эту мечту и искать другую. Он не мог жить без мечты, так же как и бабочки не могут жить без цветов.

Что же придумать? Отправиться в подземное цар-

ство! Почти целую неделю он обдумывал эту возможность. На самом деле, интересно, но немного грустно и страшновато. В подземном царстве нет неба, нет солнца, нет облаков. А что такое мир без облаков? Ноль с палочкой. К тому же и вода в подземных реках, наверное, черная, как деготь, и в ней плавают глянцевые асфальтовые рыбки. Нет, лучше в такой мир не соваться.

Отправиться на Марс? Да, это все-таки лучше. На Марсе живет юная грустная принцесса, красная, как вареный рак. И несмотря на это, неземной красоты. Но как завоевать ее любовь? В этой разреженной атмосфере наверное не живут никакие чудовища, от которых можно было бы ее спасти. А может быть, там есть злые волшебники? Почему бы и нет? Наверное, там живет Старый Паук. Он весь алмазный, его не берут ни пуля, ни меч. Конечно, ему ничего не стоит уколошить его из лазерного пистолета. На Марсе, наверное, все еще нет лазерных пистолетов.

Все это хорошо, но как же добраться до Марса? Он думал над этим почти целый месяц. Построил себе воздушный корабль, похожий на серебряную ласточку. Долго колебался, как улететь: тайно или провожаемым всем человечеством Земли — ликующим, полным восторга и преклонения перед этим невероятным мальчиком. И сколь скромным он ни был, все-таки выбрал второй вариант. На огромном космодроме собрались сотни тысяч людей. Впервые на красную планету предстояло ступить живому человеку. Он поднялся в космический корабль медленно и торжественно. Небо было ясным, серебряный скафандр блестел под лучами солнца, легкий ветерок ласково трепал кудри. „Какой великий мальчик! — шептала онемевшая толпа. — Господи, какой неземной мальчик!“ Проводить его прилетели и бабочки, целые облака бабочек, которые становились то синими, то золотыми, то фиолетовыми. Не пришла толь-

ко его бывшая невеста, которая с отчаяния вышла замуж за царя жуков, черного и блестящего, как сапожная вакса, рогача.

Три, два, один!.. Старт!.. И космический корабль устремился ввысь.

Прошло почти два месяца, прежде чем Валентин добрался до таинственной страны марсиан. Из-за разреженной атмосферы они жили глубоко в подземных недрах и дышали искусственным воздухом. Зловещий Старый Паук стерег подступы к хрустальным чертогам принцессы. Он быстро расправился со Старым Пауком своим лазерным пистолетом. Но беды на этом не кончились. Ему надо было пересечь реку из лавы, которую охраняли два гигантских чудовища. Их головы походили на... на что, например? Скажем, на головы крокодилов, с огромными бычьими рогами. Их шкура была такая толстая, что ее не могли пробить никакие лазерные лучи. Тогда он просто взорвал их двумя маленькими атомными бомбочками, перелетел через реку на своем ручном пропеллере и вошел во дворец. Увидев его, красная как рак принцесса с длинными до пят золотыми волосами бросилась в его объятия. Ведь он вызволил ее из вечного плена, в который ее заточили сами капиталисты.

5

Когда наконец отец Валентина построил новый дом, мальчику исполнилось шесть лет. За эти два года он уже о стольком успел перемечтать, что и не счесть. Мальчик стал понемногу уставать, повторяя некоторые мечты — конечно, несколько в ином виде, украшая их новыми подробностями. Только одного он не в силах был осознать — его мечты становились все более человеческими и земными, а это означало — все более обыкно-

венными. Он начал стыдиться своих первых выдумок — например, о принцессах. Уже сами по себе они — отсталое и реакционное понятие, коварно нашептывала его совесть. Может ли современный мальчик заниматься разными там принцессами и выдуманными стариками-пауками! Конечно же, все это глупости. Лучше всего совершать разные подвиги, — вот это на самом деле героично.

А его отец в это время уже совершил величайший подвиг своей жизни. Когда наконец Лора пришла осмотреть новую квартиру, даже ее лицо просияло — так она ей понравилась. Квартира была просторная, солнечная, паркет сверкал, встроенная мебель распространяла тонкий и приятный аромат чистого дерева. Впервые она посмотрела на мужа с безмолвной признательностью, и чуть не вздрогнула. На его лице не было радости. Оно было мрачнее тучи.

— Что с тобой? — удивленно спросила она.

— Построить новую квартиру ничего еще не значит! — неохотно ответил он. — Намного труднее ее обставить.

— Ну конечно же обставим. . . — еще больше удивилась Лора.

— Чем? — с иронией спросил Радослав.

— Как чем — нашей мебелью. . .

— Этой рухлядью? . . Да просто грех везти ее сюда, в эту новую, чистую квартиру! . . Она здесь весь вид испортит!

— Вовсе она и не рухлядь! — раздраженно сказала Лора. — А старинная, стильная мебель!

Лора была в какой-то степени права — их мебель была действительно красивой, по крайней мере красивее той, которую сейчас можно было купить в магазине. И все-таки она уже обветшала, пооблупилась, почти рассохлась. Радослав чувствовал, как сжималось его серд-

це, когда грузчики поднимали по широкой лестнице обитые бархатом и плюшем кресла, стулья со сплетенными из соломки сиденьями, темно-красного цвета буфет с резными стеклами. Надо было по крайней мере заново обить свое собственное обветшавшее кресло, канapé, на котором он отдыхал днем. А выцветший чипровский ковер, сломанные вешалки! Вся беда в том, что их сбережения почти иссякли. Даже если взять займ из кассы взаимопомощи, все равно не хватит на все, о чем мечтал Радослав Радев.

На время переезда в новую квартиру Валентина отправили к родителям Лоры. Дедушка был розовощекий приветливый старикан, зимой и летом ходивший в старой соломенной шляпе, с неизменной бабочкой на шее. Но бабушка, его жена, была суровой и мрачной, она постоянно жаловалась на рези в желудке, на запоры, артрит, шипы в суставах, на аллергию — на все что угодно. В сущности, она была здоровущей старухой, невероятной скрягой, и, как все скряги в мире, обладала железным здоровьем. Ничего у нее не болело, ее просто раздражало веселое легкомыслие мужа, отравившего ее жизнь своей дурацкой щедростью. Он и сейчас возмущал старуху, покупая внуку шоколадные конфеты и вафли.

— Дедушка, что бы ты сделал, если бы вдруг стал невидимым? — спросил однажды мальчик.

— Невидимым? Да я и сейчас невидимый.

— Совсем невидимым! — настаивал мальчик. — Как воздух!

— По мне, так лучше уж пусть твоя бабушка станет невидимой! — уклончиво ответил старик.

На следующий день мальчика привели в новую квартиру. Валентин, казалось, не был в особом восторге. Здесь было слишком много пространства и слишком много света в гостиной, что делало ее какой-то пустой и

неуютной. Особенно его раздражал голый паркет, блестящий, скользкий и скучный, как лысая голова бабушки. При таком изобильном и беспощадном свете было просто невозможно мечтать — разве что в ванной. Но мальчик не знал, что отец страдает от этой пустоты еще больше. Иногда он видел, как отец, раздраженно ворча, с мрачным видом ходит из угла в угол. Или развалится в каком-нибудь кресле и без всякого интереса уткнется в телевизор. Его терзали какие-то мысли, он строил какие-то планы, но все еще не решался ими поделиться.

И однажды все-таки не выдержал. Дело было поздним вечером. Супруги направились в свою новую спальню, такую же голую и неуютную, как и все остальные помещения.

— Слушай, Лора! — начал Радослав. — Я хочу тебе что-то сказать, но обещаю не сердиться.

— Обещаю, — рассеянно пробормотала она.

— Твой отец скопил порядочно денег. Не можем ли мы взять у него в долг две-три тысячи? ..

— Две-три тысячи? — она удивленно посмотрела на него. — Зачем они тебе?

— Купим ковер в гостиную.

— У нас же есть ковер! Через несколько дней возьму его из химчистки.

— Это не ковер! — раздраженно сказал Радослав.

— Это какая-то чипровская тряпка. Вчера вечером я был у Стайновых — их гостиная просто светится. Без настоящего ковра и дом не дом.

— Глупости! Сейчас это уже не современно, — сказала Лора. — Сейчас все стелят синтетические паласы.

— Ты меня не учи! — повысил голос Радослав.

— Лучше ответь на вопрос. Ты можешь взять у отца деньги?

Лицо жены потемнело.

— В том-то и дело, что деньги на сберкнижке матери.

— Что же из этого?

— Ты сам хорошо знаешь, что взять у нее деньги — все равно что отнять жизнь.

— Они ей и так ни к чему! — презрительно ответил Радослав. — Она никому не нужный паразит.

Лора вдруг побледнела, как полотно, словно вот-вот получит сердечный удар. И все-таки ответила ему с ледяным спокойствием.

— Если уж говорить о паразитах, то я не видела большего паразита, чем ты! И большего ничтожества!

— Я? Ничтожество? — Радослав не верил своим ушам. — Да ты просто дура, спятившая дура! Во всем министерстве нет человека более уважаемого и ценимого, чем я.

— Как же тебя не ценить? — взвилась Лора. — Кто же не ценит своего слугу? Лишь бы был слуга как слуга.

— Ты сама не знаешь, что мелешь! — заорал Радослав Радев.

Так заорал, что почувствовал, как в нем что-то оборвалось. Или, точнее, — что-то в нем сломалось, может быть, позвоночник, все его кости. Он все еще стоял перед ней, багровый и страшный, но чувствовал, что если его чем-нибудь ткнут, послышится только неприятный и тонкий звук, и он свалится на пол, как раздувшийся свиной пузырь.

— Постыдись! — все так же яростно продолжала Лора. — На кого ты похож? Не человек, а какое-то пресмыкающееся. Неужели у тебя нет хоть капли достоинства?

И только Радослав Радев собрался ей ответить — какими-то беспомощными, но ужасно обидными словами, как вдруг произошло нечто странное. Внезапно он увидел перед собой собственного сына. На лице мальчика было написано удивление, он явно слышал последние слова матери.

— Ты что здесь делаешь? — с яростью набросился на него Радослав. — Как ты сюда попал?

— Как попал? — вздрогнул мальчик. — Я становлюсь невидимым и могу входить, куда захочу.

— Марш отсюда! . . Шпана! . .

Он подступил к Валентину и замахнулся, но Лора решительно встала между ними.

— Не смей трогать ребенка! . . Или ты больше меня не увидишь!

Радослав моментально понял, что она не шутит. Вся его смелость сразу же куда-то улетучилась, ярость сменилась испугом. И вдруг ему стало ясно, что он, по сути дела, бесхарактерен и беспомощен, что, может быть, он и на самом деле ничтожество. Но как бы он ни был слаб, все-таки смог бы обойтись без жены, особенно без такой жены. Но что скажут на это ОНИ? Что могут подумать о нем? Мужчина, которого бросила жена, уже не мужчина, у него нет достоинства. И если Лора действительно бросит его, разрушив его внешнее благополучие, что от него, Радослава Радева, останется?

— Какое падение! — глухо простонал Радослав.

— Ради кого я убивался? Для кого создавал этот дом? Для себя, что ли? . . Для тебя, для вас! . .

Но сейчас он прекрасно понимал, что это ложь. Всего несколько минут назад верил в это, а сейчас понимал, что это настоящая ложь. Лора схватила мальчика за руку и вышла из комнаты. Эту ночь она спала на диванчике в гостиной, а на следующую перебралась в комнату, которую уже называли „детской“. А кровать Валентина перетащила в комнату мужа. Радослав мрачно наблюдал за этими маневрами, но молчал. Он был готов пасть на колени, просить прощения, обещать все, что мог и чего не мог выполнить. Но не сделал этого, понимая, что все будет напрасно. В мире не было силы, которая смогла бы вернуть ее обратно. Лора даже не

пожалела бы его, она уже перешагнула этот горький порог. Могло стать даже страшнее и хуже — она могла на самом деле уйти. Именно это повергало в ужас его слабую душу. Он молчал, почти не разговаривал, в доме наступил какой-то глухой и страшный мир. Только мальчик, погруженный в свои мечты, как будто ничего не замечал.

6

Но это было не так. Он слышал все. Более того, он до глубины души понял своего испуганного отца. Нет ничего страшнее, чем когда из дому уходит мать. Конечно, она возьмет его с собой, но разве это не бесчеловечно — оставлять отца одного? Как он испугался, когда она бросила ему в лицо те страшные слова!

Ничего, пусть он поспит известное время в комнате отца, не так уж это страшно.

Только позднее он понял, что все намного страшнее, чем предполагалось. В первые дни отец действительно засыпал с трудом. Но потом как будто успокоился, и начинал храпеть сразу, как только голова касалась подушки. Вот это-то и было для мальчика самым неожиданным и страшным.

Конечно, никто не мешал ему мечтать и днем. Он так часто оставался совсем один, что хватало времени на все. К тому же он стал бережливее относиться к своим мечтам. Нельзя каждый день и каждый час придумывать новую интересную мечту. Это бесконечно труднее, чем играть в простые детские игры на улице. Он не только берег свои мечты. Он их и повторял, так что они становились все полнее и богаче. Всегда ведь можно придумать какую-нибудь новую, неожиданную подробность, которая окажется интереснее самой мечты.

Но все дело в том, что самые лучшие мечты рождались ночью — только ночью, когда стихал весь шум и везде гас свет. Он едва дожидался той минуты, когда заберется в прохладную кровать, как в огромный и роскошный зал. Занавес раздвигался, по сцене пробежали первые неясные тени. И именно в это время отец начинал громко храпеть. И как мальчик ни старался его не слышать, звуки эти просто разгоняли его мечты. Рушили замки, убивали принцесс, превращали все в бесформенные, ужасные, безжизненные пожарища. Проходили дни, прошли целые недели, — мальчик все надеялся, что привыкнет. Наконец погруженная в свои театральные видения Лора поняла, что с сыном что-то происходит.

— Что с тобой, мой мальчик? — спросила она однажды. — Ты кажешься очень задумчивым. Уж не по старому ли дому грустишь?

— Нет, мама! — тихо ответил мальчик.

— Что же тогда с тобой?

Валентин с трудом проглотил застрявший в горле комок, но сумел набраться смелости и сказал:

— Мамочка, можно я снова вернусь в свою комнату?

— Почему, сынок?

— Папа ночью храпит. И мешает мне думать...

Мать вдруг его поняла. Она все еще помнила свои детские ночи, когда, лежа с открытыми глазами, видела самые прекрасные сны.

— Хорошо, мой мальчик, — сказала она тихо. — Перенесем твою кровать в мою комнату. Так можно?

— Да, хорошо! — обрадовался Валентин.

Но он знал, что не так уж это хорошо. Все равно в мечты вторгался еще один человек, а каждый новый и посторонний человек может испортить даже самое луч-

шее представление. Но делать было нечего, приходилось примириться с этим и привыкнуть.

Когда эту новость сообщили Радославу Радеву, он нахмурился. В присутствии сына он не так уж нуждался. Но что крылось за этим шагом Лоры? Может быть, она хотела привлечь сына на свою сторону? И уйти от Радослава вместе с ним!

— Для чего тебе мальчик? — мрачно спросил он. — Ему вполне хорошо и у меня.

— Ты хранишь! — чуть ли не грубо ответила Лора.

— Он не может спать!

— Я храплю? — изумился он. — Я никогда в жизни не храпел.

— Ты всегда храпел! — ответила Лора. — Стоит тебе закрыть глаза, и начинаешь. Пока не продерешь глаза снова.

— Это ложь! — сердито сказал Радослав. — Ты сейчас специально выдумала все это.

— И для чего мне это, по-твоему? — спросила Лора презрительно.

— А я почему знаю? Чтобы оторвать от меня сына!

— Да ведь Валентин сам меня попросил... Не хочешь ли ты сказать, что мы сговорились?

Радослав удивленно смотрел на нее, и просто не мог поверить своим ушам. Но Лора сразу же поняла, что он колеблется, в его голосе исчезла уверенность.

— Если я на самом деле храплю, что ж ты мне раньше об этом не сказала? Просто молчала, так, что-ли?

— Именно так. Что тебе говорить? Как будто после этого ты перестанешь храпеть. У тебя только появился бы еще один кошмар.

Радослав изучающе посмотрел на жену, но на сей раз ничего не сказал. Скорее почувствовал, чем понял, что она его не обманывает. В старой квартире у нее не было иного выхода, кроме как терпеть. Или сбежать от

него, что она, наверное, не раз и думала сделать. В этот момент Радослав даже не подозревал, как был недалек от истины.

— Хорошо! Возьми его к себе, если хочешь.

Так Валентин вернулся в свою комнату. Точнее — снова вернулся к себе. Мать ему и мешала, и не мешала. Скоро он свыкся с ее присутствием, хотя и не до конца. Получалось так, что каким-то непонятным образом она тайно присутствовала во всех его видениях. Он уже не смел мечтать о вещах, которые могли его посрамить.

И еще что-то новое и сказочное появилось в его жизни.

Валентину еще не было шести лет, когда он научился читать. Сам, без посторонней помощи. Просто время от времени спрашивал мать о той или иной букве. О раскоряченной и отвратительной „ж“, например. О безличном и безгласном „ъ“. Но вскоре после того как он выучил алфавит, он стал читать чуть ли не как взрослый — с внутренней легкостью, которая казалась совсем естественной. Естественнее, чем, например, бежать, — никогда в жизни он по-настоящему еще не бегал, быстро, изо всех сил, как другие мальчики.

Он не читал детские книжки, потому что никто их ему не покупал. И зачем покупать? Кто же мог знать, что он читает книги? Но как-то, совсем случайно, мать увидела его склонившимся над каким-то толстым романом. Судя по переплету, из ее собственной девичьей библиотеки.

— Чем ты занимаешься, сынок? — удивленно спросила она.

— Читайте, — просто ответил мальчик.

— И что же ты читаешь? — улыбнулась Лора.

— „Братьев Карамазовых“!

Лора посмотрела на книгу — она была открыта на

середине. Погладила его по мягким волосам, — как и у нее, на макушке они были не такими густыми.

— Хочешь сказать, что ты прочел ее до сих пор?

— Ну... да! Очень интересно! — оживился мальчик.

Но мать все еще не верила. Детская фантазия безгранична, может быть, он только воображает себе, что читает. Когда-то в детстве и она так читала бабушкины книги — не читала, а просто выдумывала все, что придет в голову — о петушке, о лисе, о глупых утках. И так быстро выдумывала, что бабушка не успевала понять обман.

— Хорошо, прочти мне что-нибудь! — попросила она.

— Сначала?

— Нет, оттуда, откуда дошел.

И Валентин начал читать. Он сразу увидел, что читать вслух намного труднее, чем про себя. И не понимал, почему — ведь буквы-то одни и те же. Сначала начал читать по слогам, чуть ли не заикаясь, но потом пошло все глаже и глаже.

— Хорошо, хватит! — сказала мать.

Она была настолько поражена и изумлена, что не узнала своего голоса. Она не помнила другого случая в жизни, который бы ее так потряс. Только прижала его головку к груди и взволнованно проговорила:

— Сынок!.. Мой милый мальчик!..

Потом отпустила его так же неожиданно, как и привлекла к себе, и отошла к окну. Ей не хотелось, чтобы в этот момент Валентин видел ее глаза. „Что мы знаем о своих детях, — думала она, потрясенная. — Что мы знаем о них?“ Немного постояла там, потом обернулась и тихо сказала:

— Читай, читай, дорогой мой... В мире нет ничего лучше этого!

Сначала я думал, что человеку бесконечно трудно, даже невозможно провести настоящий и серьезный опрос, особенно когда его целью является определение вины, а не заслуг. К тому же я человек кабинетный, весьма замкнутый и необщительный. Трудно вступаю в контакты, почти не имею друзей. А искать незнакомых людей и разговаривать с ними мне казалось почти абсурдным. Сначала меня подталкивала к этому только совесть, всегда обостренная и немного болезненная, как обычно случается у людей, живущих уединенно. Она преследовала меня по поводу и без повода, просто издевалась надо мной, часто делала меня совсем бездейственным, даже беспомощным. И все-таки, больше всего на свете я гордился своей совестью.

И так, ежедневно и ежечасно подгоняемый ею, я ощутил в себе какую-то необыкновенную энергию. Или, может быть, у меня просто пошло дело. Раны были все еще свежими, дремавшая совесть людей только что разбужена от долгого летаргического сна. Может быть, к этим неожиданным исповедам их подталкивала и моя довольно невзрачная внешность. Такой человек, как я, вряд ли мог причинить кому-нибудь зло, использовать их исповеди с какой-нибудь целью. Просто-напросто они хотели выплакаться и облегчить свою душу, или просто переложить свою вину на кого-нибудь другого. Сначала мне было довольно трудно отсеивать зерна истины. Я был готов выразить свое сочувствие каждому, ибо в нем нуждались все. Но потом привык.

Больше всего я терзал свою совесть этой рукописью. Грубо и неделикатно объявлять во всеуслышание о том, что тебе доверили люди. Но разве я имел право молчать? С этим вряд ли согласились бы даже те, кого это непосредственно коснулось. Каждый знал, что до-

лжен чем-то искупить свою вину. Впрочем, не каждый. Учительница, например. Когда-нибудь именно она заставит меня опубликовать эти строки. Может быть, не сразу, наверное, я подожду, чтобы прошло немного времени. Или побольше времени. Может быть, эту личность уволят или заставят выйти на пенсию. В конце концов я начал понимать, что с ней все обстоит не столь просто, как мне казалось. Сначала я испытывал к ней скорее чувство жалости, чем презрения за все то, что она натворила за все эти годы. И мне все еще не совсем ясно, как я выйду из этого положения.

Я хорошо помню первый день, когда встретился с учительницей Валентина. Звонок уже прозвенел, но Цицелкова где-то задерживалась. Я ждал в конце длинного коридора и рассеянно смотрел в окно. Голый цементный двор, несколько рахитичных городских деревьев с изуродованной корой, высокая мрачная ограда. Во дворе играли дети. Точнее, не играли, а просто буйствовали. Затаив дыхание я смотрел на то, как они пинали и толкали друг друга, с каким остервенением пускали в ход крепкие кулаки. Я смотрел на них и силился вспомнить — такими ли были дети в годы моего детства. Но в голове было пусто. Почему же я не могу вспомнить? Действительно ли они были другими? Или просто тогда я находил все совсем естественным. Может быть, мы тогда немного недоедали, и поэтому не были столь буйными. И намного строже относились к нам отцы и матери. В глубине души я жалел Цицелкову. Наверное, не так-то просто учителю справиться с этими маленькими зверятами, держать их в определенном подчинении, набивая их головы не весьма приятными и часто совсем ненужными знаниями. В мое время тонкая учительская указка служила не только для демонстрации написанного на доске. От тех далеких воспоминаний у меня до сих пор иногда чешутся уши. Но на душу камнем дави-

ли другие вещи, о которых в этот момент не хотелось вспоминать. Никто не любит вспоминать ранние годы ученичества, — это воспоминания, от которых каждый бежит сломя голову.

И еще одна мысль мучила меня, когда я смотрел на этот голый, страшный двор. Для Валентина я не видел здесь ни одного метра, даже ни одной пяди земли. Просто не мог представить его среди других — грустного, одинокого. Но если он действительно не походил на других, был единственным таким ребенком, разве он представлял собой какую-то проблему? Или это две стороны одной медали, одной правды, обе старые, как жизнь?

Наконец в глубине пустого коридора показалась Цицелкова. Я сразу ее узнал, хотя никто не описывал мне ее внешность. Она была удивительно похожа на грушу — уже довольно перезревшую, которая вот-вот сорвется с ветки. Она была желтой, мясистой, вся ее масса неудержимо сползла к тазу, даже к мощным, изогнутым дугой ногам. Желтым и мясистым было и лицо Цицелковой, в его чертах нельзя было открыть никакой строгости или порядка. Она показалась мне плохо одетой, что было довольно нехарактерно для софийской учительницы. И вновь мне стало ее жалко. Может быть, эта женщина чем-то озабочена, может быть, у нее серьезные неприятности в семье. Это впечатление нарушалось только воинственным цоканьем толстых каблучков.

Когда я представился Цицелковой, ее равнодушное и немного усталое лицо вдруг оживилось и приняло довольно любезное выражение. В современном мире слово „писатель“ часто служит лучше любых рекомендаций. Но когда она узнала, что именно меня интересует, ее лицо снова стало холодным и неприступным. Я едва сумел вырвать у нее несколько слов.

— Да, конечно же я его знаю. Два месяца назад он утонул. . .

Она немного помолчала, все с таким же пустым выражением лица, потом неохотно выдавила из себя:

— Как тут не утонуть! . . . Более рассеянного мальчика я в жизни не видела.

Ее тон меня просто испугал. И все-таки я нашел в себе силы продолжить разговор.

— Извините, меня интересует, каким учеником он был?

— Никаким! — ответила она немного грубо и резко.

— Рассеянный, невнимательный! . . . Всегда словно отсутствовал на уроке, как будто находился где-то в другом месте. Что же это за ученик, который не может сосредоточиться?

Но ведь она говорила все-таки об умершем ребенке, боже мой! Неужели у нее было такое черствое сердце? Или дети были для нее не детьми, а всего лишь каким-то ежедневным рабочим материалом.

— Но у него были не такие уж плохие отметки! — попытался я возразить.

— Да, конечно, но спросите, чего мне это стоило!

Это было единственным, что я сумел из нее выжать. Она вдруг превратилась в какую-то непроницаемую каменную стену, от которой мои вопросы отскакивали, как теннисный мячик. Возможно, она смутно чувствовала опасность, которая нависла над ее головой. А может быть, вообще не понимала моих вопросов, как будто все они были выше ее понимания. Так или иначе, мне пришлось уйти, не добившись никакого результата. Какой же мальчик не рассеян? Даже среди моих студентов есть такие, которым я просто удивляюсь, — зачем они ходят на лекции, только время теряют.

Так что поневоле мне пришлось искать обходные пути. Я потерял целый месяц на расспросы родителей,

просмотр тетрадей, в которые Цицелкова вписывала красными чернилами свои короткие, но резкие замечания. Поговорил со многими детьми — со всеми одноклассниками Валентина. Намного больше узнал о нем от девочек, чем от мальчиков. Что же касается учительницы, то мнения были очень противоречивыми. Большинство отцов и матерей считали Цицелкову чуть ли не образцовой учительницей. Да, правда, она была очень строгой и требовательной, но зато справедливой. Ее класс всегда ставили в пример по дисциплине. Она не мирилась с ошибками и недостатками своих учеников и всегда прибегала к помощи родителей.

— Вы хотите сказать, что она доносила вам на ваших детей? — довольно нетактично прервал я одну из матерей.

Она недоуменно посмотрела на меня.

— А что же, упустить их воспитание? Лично я ей благодарна!..

Но было двое-трое родителей, которые Цицелкову не могли терпеть. Положа руку на сердце, должен сказать, что они показались мне весьма пристрастными. Они считали ее совсем посредственной, даже простоватой, употребляющей просторечные слова, позволяющей себе со всеми держаться грубо, „ведь недаром ее муж офицер“.

Особое впечатление произвела на меня одна молодая женщина. Позднее оказалось, что она приходится мне чем-то вроде коллеги. Она принадлежала к тому типу смуглых, темпераментных и вспыльчивых женщин, с которыми трудно справиться даже их мужьям. Она напрямик назвала учительницу „животным“. Почему „животным“? Мне потребовались большой такт и терпение, пока она успокоилась и дала мне хоть какое-то объяснение.

— Почему животное? — резко спросила она. — По-

тому что не любит детей. У меня такое чувство, что она их просто ненавидит.

Женщина выглядела слишком возбужденной, чтобы я мог поверить в ее объективность.

— А почему вы думаете, что она их ненавидит?

— Потому что они ей мешают! Потому что сопротивляются ей!

— Не считаете ли вы, что она должна во всем им по-такать? Если они действительно мешают ей исполнять свои обязанности.

Она с недоумением посмотрела на меня.

— Кстати, мне ребенок тоже мешает! . . . Но неужели я должна воевать с ним? Когда человек любит своего ребенка, он находит пути. . .

— К добру или к злу? — спросил я немного раздраженно.

— К его сердцу! — резко ответила она. — Ведь детское сердце зла не таит. . .

Нет, я не поверил этой молодой, раздраженной женщине. И возвратился домой совсем расстроенным. Действительно, у меня самого нет детей, а не имея собственного опыта, человеку трудно судить. Все-таки мне кажется, что в детях скрыто какое-то чувство зла, если не в сознании, то по крайней мере в инстинктах. Я вспомнил, что в детстве знал многих злых детей. Вспомнил, как безжалостно, без всякой причины меня били квартальные хулиганы. Вспомнил, как моя родная сестра, которой только-только исполнилось три года, изувечила кошку, изо всей силы прижав ее приоткрытой дверью. Тогда я отвесил сестре такую оплеуху, что она покатилась по полу и заорала, как резаная. Но и до сих пор я считаю, что поступил правильно.

На следующий день я с еще большим упорством продолжил свою работу. И только к концу месяца густой туман, в котором я плутал, начал понемногу рассе-

иваться, и перед моим взором стали проступать контуры истины.

8

Так уж получилось, что Валентин не пошел в школу вместе со всеми другими детьми. Перед самым началом занятий он внезапно заболел воспалением легких, и почти целый месяц провел в четырех стенах своей комнаты в легком приятном забытье лихорадки. Ему понадобилось еще две недели, чтобы восстановить силы и окрепнуть. Наконец однажды утром мать нарядила его во все самое лучшее — синий вязаный костюмчик дядя привез Валентину аж из Лондона. Придела, заботливо расчесала и смочила водой его пушистые волосы и повела в школу. Ее сердце немного сжималось, ручонка сына, которую она держала, была нежной и холодной. Лора хорошо понимала, что провожает сына на войну. Все-таки школа — настоящая маленькая война. Там тебе могут поставить двойку, могут здорово излупить после уроков, даже разбить голову, как это случилось с соседским ребенком. К счастью Лоры, школа находилась недалеко от дома, и не надо было идти по улицам с оживленным движением. А к несчастью — день выдался пасмурным, холодным и мрачным, не предвещавшим ничего хорошего. Лора испытала какое-то огромное желание вернуться, но устояла. В этом мире можно убежать от всего, только не от школы.

Когда они вошли в здание, ее настроение совсем испортилось. Она училась здесь же — не вчера, так позавчера, — и вот теперь привела сюда сына. Как быстро течет это жестокое и неумолимое время! Они шли по коридору, который сейчас казался ей еще более негостеприимным и узким. Вокруг носились дети с - енными

ми глазами и огромными тяжелыми ножищами, каких в ее время не было даже у толстого учителя господина Темелакиева. Неужели ее застенчивый и щупленький сын будет учиться с такими верзилами? Смущенная и взволнованная, она вошла в директорский кабинет — ей сказали, что сначала надо представиться там. Директором оказалась немного грубоватая женщина невысокого роста, с неестественно короткими руками, которые вряд ли доставали до ее собственных ушей, не говоря уже об ушах этих верзил. Но директору Валентин явно понравился — мальчик был милым, даже изящным, с очень умным личиком. Не было сомнений в том, что он будет хорошим учеником. Она даже погладила его по щечке своей короткой полной ручкой, от чего Валентин, к стыду матери, вздрогнул как ошпаренный. Лора только сейчас заметила, что он очень напуган. Школа его ничем не ободряла.

— Направлю его к Цицелковой! — сказала директор.

— Она у меня лучшая учительница — строгая, но справедливая.

И послала дежурного за ней. „Почему справедливая? — мелькнуло у Лоры в голове. — Что это — школа или суд?“ Когда наконец Цицелкова пришла, следуя за своим коротким обиженным носом, Лора чуть ли не отшатнулась — так ей не понравилась эта особа. Директор в двух словах объяснила суть дела. Только сейчас Цицелкова внимательно посмотрела сначала на мать, а потом и на мальчика. Как и следовало ожидать, она тоже почувствовала к этой худой и нервной женщине какую-то необъяснимую враждебность.

— Мой класс, кажется, и без того перегружен! — холодно сказала она.

Директор изумленно посмотрела на нее — она не ожидала от своей любимицы такой реакции.

— Все мы перегружены, Цицелкова! — соглашаясь,

ответила директор. — Этот ребенок не будет тебе в тягость, скорее станет твоим помощником. . .

— Помощником? — чуть ли не обиженно воскликнула Цицелкова. — Чем же он будет мне помогать? Он и так отстал от других.

— В чем отстал? — холодно спросила Лора. — Валентин читает совсем свободно.

Только сейчас учительница посмотрела на него внимательнее. Ее взгляд был недружелюбным, и мальчик это сразу почувствовал. И поспешил замкнуться, как улитка в своем домике.

— Это правда? — недоверчиво спросила Цицелкова.

Директор взяла с письменного стола какой-то детский журнал, который за долгие месяцы лежания стал совсем блеклым.

— Вот! — она подала журнал мальчику.

Валентин открыл первую страницу. Это было какое-то стихотворение, к тому же напечатанное крупными буквами. Вдруг все буквы слились и расплылись перед его глазами. Он поднял голову и беспомощно посмотрел на мать.

— Читай, читай! — мягко сказала она. — Ты так хорошо читаешь!

Но Валентин смотрел на страницу и молчал. Он словно забыл все, что знал, и не мог прочитать ни одного слова.

— Ясно! — сказала Цицелкова. — Только ради вас, товарищ Божкова. Вы знаете, как мне трудно отказать вам.

— Знаю, знаю! — с облегчением сказала директор. — Можете идти.

И они вышли совсем внезапно — учительница и мальчик. Лора даже не поняла, как они исчезли. Валентин казался настолько сконфуженным и смущенным, что даже не обернулся. Лора испуганно попрощалась с ди-

ректором и тоже вышла. Они были уже в другом конце пустого коридора, выглядевшего совсем серым от мутного утреннего света. Она хотела крикнуть им вдогонку, но в это время Цицелкова и Валентин вошли в какую-то дверь. Лора пошла вперед, остановилась перед дверью и посмотрела на нее. Ничего особенного, обычная коричневая безликая дверь, изъеденная временем, с грустными следами бесчисленных детских нападений. Может быть, так она выглядела и в годы ее детства. . . Но что с ней происходит, что за неожиданные нервы? Школа как школа, учительница как и все остальные, кого она помнила со времен своего детства. Никому не избежать этого испытания. Она пожала плечами и отошла, стараясь больше не думать о сыне.

В это время Цицелкова и Валентин стояли перед классом, и дети глазели на маленького худенького франта. Нет, он им не понравился, так обычно выглядели маменькины сынки. Будет неплохо поприветствовать его пинком на первой же перемене. Так думали некоторые, но двум-трем девочкам он понравился.

— Дети, это ваш новый товарищ! — сказала учительница. — Он немного отстал от вас. . . Но я уверена, что вы все поможете ему...

Класс отреагировал полным молчанием. Вот еще, помогать этому сопляку, пусть мамочка ему помогает! У стены, держа в руках складной деревянный метр, стояла миловидная девочка. Ее черные глаза смотрели так тепло, что Валентин невольно засмотрелся. Как и все остальные, она тоже смотрела на него, но ее взгляд был полон нескрываемой симпатии. Этот взгляд Валентин не мог забыть никогда, он навсегда остался в его памяти.

— Славче, продолжайте вместе с Валентином, — сказала учительница. — Ты будешь мерить, а он считать. Все понятно?

— Хорошо, — ответил Валентин как во сне.

Им надо было измерить длину и ширину класса. Они склонились над полом, Славка начала точными, размеренными движениями перемещать деревянный метр по всей длине, а Валентин смотрел и ничего не видел. К его первому смущению прибавились и блестящие черные завитушки, мелькавшие перед глазами. Никогда до сих пор он не дружил с девочками, и сейчас эта близость неизвестно почему смущала его. Так они добрались до конца стены. Оставался еще небольшой отрезок — неполный метр. Девочка измерила и его, а затем нетерпеливо выпрямилась. Не так уж это приятно ползти, как гусеница, по обшарпанному полу. Цицелкова, которая в это время засмотрелась в окно, повернула к ним свое равнодушное лицо.

— Закончили?

— Закончили, — с готовностью ответила девочка.

— Теперь, Валентин, скажи, какова длина класса?

Но Валентин не знал. В его голове все перепуталось, и он вообще забыл, что они измеряют класс. Он очень хорошо запомнил смуглую руку девочки, но вообще не обратил внимания на то, сколько раз она передвинула метр.

— Отвечай, когда тебя спрашивают! — строго сказала учительница. — Ведь вы мерили вместе? Или ты не умеешь считать до десяти?

— Умею, конечно! — обиженно ответил мальчик.

— А до ста?

— До скольких хотите.

— Хорошо, какова тогда длина комнаты? . . В метрах и сантиметрах! Ее ведь измерили у тебя на глазах?

Валентин молчал. Что он мог ей сказать?

— Значит, ты был невнимательным! — холодно сказала учительница. — В школе самое важное — быть внимательным. . . Понял? . . Внимание — это все! Кто не

умеет или не хочет быть внимательным, тот не может быть учеником.

Валентин по-прежнему молчал.

— Сейчас ты измеришь комнату сам!.. Три раза подряд!.. И запомнишь ее длину раз и навсегда.

И пока учительница смотрела в окно, погруженная в свои ленивые будничные мысли, Валентин трижды измерил длину комнаты. И действительно запомнил ее раз и навсегда — точно восемь метров тридцать шесть сантиметров.

9

После того как Валентин научился читать, его мечты как будто еще немного обеднели. Теперь его бурное воображение черпало обильную пищу в основном из книг. Мальчик все еще не осознавал, что многие из тех книг, которые он читал, написаны людьми с более бедным воображением, чем его собственное. Все равно, он переносил на страницы сухо написанных книг свой невообразимо богатый духовный мир. Так что книги были в сущности больше поводом для игры его воображения, чем основой.

В обед он возвращался из школы обычно уставшим и изнуренным. Даже мать избегала в эти минуты смотреть на его посеревшее лицо. В глубине души она чувствовала, что мальчик мучается. Но что она могла сделать? Ободрить его? Чем ободрить — истиной? Она сама не понимала, в чем заключается эта истина. Сознвала только одно — он должен пройти этот путь, как проходят его все дети. Без этого испытания никто из них не сможет по-настоящему встать на ноги. Валентин обедал без всякого аппетита, не обращая внимания на то, что поддевает на вилку. Лора, и без того не умевавшая готовить, теперь и вовсе все забросила. И для кого готовить, если слишком привередливый Радослав Ра-

дев питался в столовой у себя на работе, а сын оставался равнодушным как к отлично приготовленным, так и к безвкусным блюдам. Чаще всего она кормила его чем-нибудь всухомятку, только иногда ставила на стол мясные консервы, всегда кое-как подогретые.

Перекусив на скорую руку, Валентин спешил уединиться в своей комнате. И с какой-то неестественной страстью хватался за книгу. Он уже не читал так торопливо и алчно, как в первый год. Не так живо интересовался сюжетом, как вначале. В сущности, он не читал, он питал свое ненасытное воображение. Время от времени отрывался от страницы, но действие не останавливалось, а продолжало течь все так же неудержимо — конечно, немного наивно и по-детски, но неизмеримо более богатое деталями и красками.

В сущности, это были его новые мечты — дополняющие все прочитанное за день. И они были всегда намного богаче и сильнее того, что он читал. Его воображение работало в основном ночью. Днем перед глазами как будто всегда стоял упершийся в страницу длинный, немного кривой палец учительницы. Он знал, что должен отложить книгу. И немедленно взяться за учебник — этот надоевший и пустой учебник, в котором мечты не было и в помине. Противнее всего сидеть в классе и дрожать, когда чего-нибудь не знаешь. Страх, словно холодные шупальца осьминога, охватывал Валентина. Он не смел ни шелохнуться, ни взглянуть в сторону. Ему казалось, что если он будет сидеть неподвижно, Цицелкова не заметит его. А насколько лучше и спокойнее, когда урок выучен! Тогда можно спокойно думать в классе о своих делах, позволить себе не слушать. Если учительница вызовет — он ответит, если не вызовет — еще лучше.

И хотя Валентин сознавал это, он не мог оторваться от книги. Словно какой-то внутренний голос на-

шептывал: „Еще немножко!“ И у этого „немножко“ не было конца. Мальчик не мог перебороть в себе желание читать и мечтать, не мог выйти из своего мира.

Ночью все было иначе. Валентин был твердо убежден, что только ночью человек чувствует себя полностью свободным. Он считал, что ночи принадлежат ему, и он может распоряжаться ими, как хочет. Безмерное чувство сладостной и чарующей свободы, не знающей границ и препятствий, делало его совершенно другим человеком или другим ребенком, все равно. Свободным и сильным. Быть сильным, быть всемогущим — вот что лежало в основе каждой его мечты.

—Папа, я хочу спать! — сказал мальчик.

Он сидел спиной к телевизору и видел в окне гостиной, как светлые и темные тени играют на гладкой поверхности стекла. Можно было даже следить за действием, не давая себе труда обернуться. Но зачем ему это? Он просто не понимал, как отец может часами сидеть, уставившись в этот огромный и скучный стеклянный глаз.

—Не слишком ли рано? — рассеянно спросил отец.

Было действительно рано, как раз показывали новости.

—Я хочу спать! — уныло повторил мальчик.

Он совершенно не умел врать, и очень хорошо, что отец на него не смотрел.

—Подожди, кончатся новости!.. И приготовлю тебе ужин!

—Папа, я могу сам!..

—Ну ладно, — сказал отец. — Там есть постные голубцы, их не надо подогревать...

Мальчик быстренько перекусил хлебом с брынзой и выпил стакан молока. Потом чуть ли не влетел в свою комнату. Мать редко прибирала постель, так что ему оставалось только забраться под одеяло. Он немного дро-

жал от холода и накрылся одеялом с головой. Хотя бы в начале ему была необходима полная темнота.

И вот — лампы погасли, занавес медленно раздвинулся. Пробежали неясные тени. Затем дымка рассеялась, и появились первые образы. Мальчик затаил дыхание. Еще немножко, и образы приблизятся. Еще немножко, и все станет действительностью.

... Он видел себя на вершине холма, гладкого, песочного цвета. Он сидел верхом на огромном коне с длинной желтоватой гривой. Конь нетерпеливо бил копытом рыхлую землю, пытаясь время от времени встать на дыбы. Но это ему не удавалось, потому что мальчик держал поводья железной хваткой. На его левом боку у бедра висел меч. Такого меча не было ни у кого, простому воину было не под силу поднять меч даже двумя руками.

Конь немного успокоился, только его злые глаза продолжали еще сверкать. Возбужденные своим вожак, и другие кони начали фыркать и ржать, топот копыт нарастал. Он обернулся — шлем к шлему, меч к мечу, стремя к стремени. Лица бойцов напряжены и нетерпеливы, они еле сдерживают коней. Ждут его знака. Не в одну битву летели они вместе на своих конях, и будучи с ним, никто не ведал страха. Но он не торопился, и все так же внимательно смотрел на долину. У подножия холма, там, где вился еле заметный путь, медленно двигался караван с пленными. Их охраняли воины в кожаной одежде, с островерхими шлемами на головах. Он знал — их кони быстрее, чем его. И если бы они не вели с собой пленных, ему было бы трудно их догнать. Сейчас надо было выждать, пока они подойдут поближе, и только тогда напасть. Разогнавшись по пологому склону, его кони, отяжелевшие от доспехов воинов, получают хорошую скорость. Он ждал и молчал. Миг атаки приближался.

Он ее не видел, но знал, что она там — за спиной одного из кривоногих воинов. Те не спешили, наверное чувствовали себя в безопасности. Не озирались по сторонам, — иначе могли бы заметить его, спустившегося, словно железный орел, на вершину холма. Вот они совсем приблизились, и он поднял свой меч. Конница с яростным топотом сорвалась с места. Никогда еще его сильный, но тяжелый конь не несся так быстро. Грива коня развевалась, белая и желтая пена летела из его рта, но странно! — уже не слышно было топота копыт, резкого бряцания оружия, словно его в самом деле нес ветер. Он быстро настигал их, уже видел потные спины лошадей, их влажные хвосты. И вдруг все звуки восстанавились — сейчас он уже ясно слышал дружный топот, их испуганные крики, нервные команды. Наконец он увидел ее. Ему показалось, что она словно прилипала к спине могучего всадника, крепко схватив его руками за пояс. В следующий миг он настиг их, изо всей силы взмахнул мечом, и шлем всадника глухо ударился о землю. Он успел схватить ее за талию — она была в черной шелковой мантии — и как перышко перебросил к себе на лошадь. И в следующий момент оцепенел: на лице, на котором он ожидал увидеть улыбку и выражение счастья, застыла гримаса гнева и презрения.

„Господи, я хочу, чтобы она меня полюбила! — его сердце обливалось кровью. — Хочу, чтобы она меня полюбила, господи!“. Откуда в его душе родилось это странное слово — „господи“? У них дома его никто не употреблял. Наверное, услышал его от своей бабушки — она часто крестилась, бормоча под нос то молитвы, то проклятия. Но сейчас ему казалось, что никакая земная сила не поможет ему — настолько чужим и враждебным было ее лицо. „Помоги мне, господи! Пусть она меня полюбит!“

Конечно, она его любила, он это чувствовал. Она единственная из всего класса обращала на него какое-то внимание, смотрела добрым и сочувственным взглядом и улыбалась ему, даже совершая свои нелепые чудачества. Любила его только она, мальчики инстинктивно его ненавидели, словно он был из какой-то другой стаи или стада. И другие девочки редко обращали на него внимание, он казался им маленьким и безличным, они липли к верзилам, внушавшим уважение своими подвигами. Те могли прыгнуть из окна или подбить из рогатки какого-нибудь несчастного воробушка. Она его любила, но все-таки не так, как следует. Он был убежден, что настоящая любовь — совсем иное чувство, роковое и сильное, жестокое и неотвратимое, обжигающее до настоящей боли. „Господи, пусть она меня полюбит!“ — думал он. Потом устыдился самого себя. Да разве этот рассеянный и равнодушный бог поможет ему? Если он и есть, то вряд ли станет заниматься детьми. Да и кто в этом мире серьезно занимается детьми? Не надо господа, не надо никакой помощи, он должен сам завоевать ее сердце, завоевать любой ценой.

Валентин попытался продолжить приключение, которое закончилось так неожиданно. Он отвез ее в крепость, но она продолжала молчать и враждебно смотреть на него. Что с ней произошло? Уж не полюбила ли она их князя? Но их князь был кривоногим и безобразным, с сухим, злым лицом, его голова походила на очищенную редиску, на которой развевался только маленький смоляной чуб. Да, но он был жестоким и сильным, покорял народы, совершал подвиги. Валентин мучился днем и ночью, стараясь придумать самый большой подвиг. Побеждал исполинов, разрушал крепости, а

однажды достал со дна моря гигантского осьминога, большого, как старинный фрегат.

— Нет! — говорили ее мрачные глаза.

— Скажи мне, чего ты хочешь? И я немедленно выполню твое желание!

— Принеси мне сердце своей матери! — внезапно ответила она.

Валентин смотрел на нее, потрясенный.

— Как — сердце моей матери? — едва промолвил он.

— Да, твоей матери! — жестоко повторила она.

— Может быть, принести сердце моего отца? — неуверенно спросил Валентин.

— Нет, я уже сказала!

— Этому не бывать никогда! — вскричал Валентин.

— И теперь я знаю, что ты вовсе не принцесса! . . Ты просто переодетая ведьма!

После этого ужасного случая Валентин почувствовал, что ее образ стал медленно исчезать из его сердца. Не только тот, из мечты, но и другой — настоящий. Однажды они оба были дежурными и стояли у входа в класс. Она смотрела на него смеющимися глазами, и вдруг легонько погладила по щеке. Но он не испытал чувства радости, а только весь напрягся. Это его испугало, даже ужаснуло. Он знал, что подлинная любовь должна быть вечной. Теряя вечную любовь, он теряет все. „Господи, помоги мне! — думал он. — Я хочу любить ее до конца жизни!“

— Валентин, встань! — сухо сказала учительница.

Валентин испуганно поднялся.

— Скажи мне, о чем я сейчас говорила?

Валентин молчал. Откуда ему знать, о чем она говорила? Ведь в это время он переживал такие роковые и страшные события! Впервые с тех пор, как он пошел в школу, Валентин почувствовал к учительнице какую-то

глухую враждебность, чуть ли не ненависть. Это его так поразило, что он не смел поднять голову и посмотреть ей в глаза.

— Ты слышишь, о чем я тебя спрашиваю?

— Слышу! — мрачно ответил он.

По его голосу Цицелкова сразу же поняла, что таится в сердце Валентина. И старая ярость, черная, неудержимая, которая мучила ее уже много лет, внезапно сдавила ей горло. Ей захотелось поднять руку и ударить по этому бледному, враждебному лицу, но она, конечно, сдержалась. Ей всегда удавалось сдерживаться, или почти всегда. Только однажды она выбросила в коридор, как тряпку, одного из таких маленьких бездельников, а потом у нее была целая куча неприятностей.

— Отправляйся за матерью!.. Немедленно! — закричала она. — И без нее не возвращайся!

Валентин молча вышел из класса. На улице моросил осенний дождик, едва видимый, как водяная пыль, сыпавшийся из низких облаков. Валентин шел, как во сне. На какой-то магазинной витрине увидел часы — шел девятый час. В это время его мать еще спала, уставшая после вечернего спектакля. Разбудить ее? Сказать, что случилось?.. Валентин чувствовал, что у него нет сил. Не только сейчас, у него никогда не было сил, кроме как в мечтах, конечно. Человек всегда мечтает о том, чего ему больше всего не хватает. Он не был ни сильным, ни храбрым, несмотря на то, что этой ночью так яростно преследовал кривоногих варваров. Он настиг их и рубил, рубил — в мечтах человек может делать все. Но как сейчас разбудить мать? Нет, на это сил у него не было!

И он, ничего перед собой не видя, шел под мелким дождем. Ему казалось, что он шел долго, несколько часов. Он уже почувствовал себя усталым и изможденным. Наконец пришел в церковный садик недалеко от

их дома и присел на скамейку. Старая мрачная церковь, вся потемневшая от дождя, зябко ежилась за деревьями. В ней ли живет бог?.. Неужели ему не холодно среди этих влажных стен!.. И внезапно он с огромной силой почувствовал, что вот сейчас, в этот момент, может произойти чудо. Не может не произойти. Серое, печальное небо раскроется, и появится его мать, вся сверкающая, как настоящая небесная царица: „Вернись в школу, мой мальчик!.. Твоей учительницы нет! Просто ее никогда не было, и никогда больше не будет!“ И она поведет его снова обратно, в ясный солнечный день, в котором носятся облака бабочек.

Он ждал с таким огромным напряжением, с такой надеждой, что чуть не потерял сознание. Никакого чуда, конечно, не произошло, в жизни, наверное, не бывает чудес. Он чувствовал себя раздраженным и обиженным, и это словно придало ему сил. Силы забили в нем ключом, он почувствовал, как они закружили его и словно пружина подняли на ноги. Сейчас все, что произошло, казалось ему скорее нелепым, чем страшным. Так в сущности и было. Он взял портфель и решительно отправился домой. В конце концов мать есть мать, не повесит же она его...

Но стоило ему переступить порог, как вся его смелость тут же испарилась. Мать уже встала и хлопотала в гостиной, прибирая вечно разбросанные надоевшие газеты мужа. Увидев Валентина, она подняла голову и рассеянно посмотрела на него. Наверное, она думала о чем-то своем, сейчас ей было не до разных там выгнанных из школы мальчиков.

— Почему так рано? — спросила она.

— У нас свободный урок, — ответил Валентин.

Но как Лора ни была погружена в себя, все-таки что-то в его голосе показалось ей странным.

— Не случилось ли чего?

— Нет! — ответил он.

— Скажи, скажи! . .

Валентин вдруг заплакал. Он не помнил, когда так плакал в последний раз, но слезы ручьями текли по его лицу. И медленно, всхлипывая, он рассказал матери, что случилось в классе. Мать слушала нахмурившись, но мальчик чувствовал, что она на его стороне. Когда он наконец кончил, она погладила его по голове, но ее голос прозвучал суховато.

— Ничего, сынок, все это мелочи. В жизни случаются вещи намного страшнее.

Валентин невольно вздрогнул. Намного страшнее? То, что он пережил, совсем его измотало. И впервые в жизни его душу наполнил какой-то темный, ужасный страх того, что его ждало во мраке будущего.

На следующий день Лора пошла в школу. Тщательно оделась, даже немного подгримировалась, что делала очень редко. Она шла, полная внутренней ярости, с острым желанием сопротивляться. К ее удивлению Цицелкова приняла ее довольно любезно. Может быть, она сама немного испугалась своего поступка, а может, суровый вид Лоры просто подсказал ей, что надо вести себя с ней повнимательнее. Она хорошо знала тех матерей, которые обычно были перед ней робкими и смиренными, готовыми на любые унижения. Но эта на них не походила.

— Да, Валентин симпатичный мальчик, — начала учительница. — Очень тихий, даже немного робкий. Но плохо то, что он ужасно рассеян.

— Все дети рассеяны, — ответила мать.

— Да, вы правы, конечно! — закивала Цицелкова.

— Но у него эта рассеянность совсем неестественная. Он вообще не слушает, что я говорю. Все равно, что его нет в классе, он словно где-то витает. Как мать, вы должны ему помочь.

— Как? — сухо спросила Лора.

Цицелкова посмотрела на нее с удивлением. Действительно — как? Она сама до сих пор не задавала себе этого вопроса.

— Советами, — неохотно ответила она. — В конце концов вы его мать, вы должны знать.

— А я вот не знаю! — все так же сухо ответила Лора. — Ребенок есть ребенок, он живет в каком-то своем мире. Можем ли мы силой забрать его оттуда? И зачем?.. Может быть, его мир лучше нашего!.. И наверное, так оно и есть.

Во взгляде учительницы впервые промелькнуло что-то враждебное.

— Он ученик! — нетерпеливо сказала она. — И должен в классе слушать.

— Хорошо, внушите это ему! Учительница ведь вы, а не я... Сделайте так, чтобы он вас слушал... Это зависит не от меня, а от вас.

— Что вы хотите этим сказать? — на сей раз Цицелкова посмотрела на нее с вызовом. — Я действительно учительница, а не нянька ваших детей. Что вы хотите — чтобы я показывала им фокусы, кукарекала?.. Сомневаюсь, что и это поможет!

— А я не сомневаюсь! — уже совсем раздраженно ответила Лора.

Учительница уставилась на нее своими безжизненными глазами.

— Простите, мне не до шуток!.. Я серьезно предупреждаю вас о состоянии ребенка!.. Вам надо показать его врачу.

Лора вдруг испугалась. Впервые ей пришлось в голову, что, может быть, действительно идет речь о чем-то опасном и серьезном. Но мысленно махнула на это рукой. И речи быть не может — эта противная женщина со взглядом змеи виновата за все.

— Вы просто не понимаете детей! — мрачно заявила Лора. — Дома сын ведет себя совершенно нормально. . . Может быть, в этом возрасте показаться врачу следует именно вам.

И отомстив этими словами за все обиды, Лора раздраженная, но удовлетворенная покинула комнату. В последние дни, хотя и скрытно, она старалась наблюдать за сыном. Нет, совсем нормальный мальчик, это понятно с первого взгляда. Чувственное лицо, живой взгляд, быстрый и смысленный ум. Да, конечно, время от времени он где-то витает, но кто знает, может быть, и у него, бедняжки, есть свои мечты. Но в его поведении Лора не замечала ничего странного, не было причины, чтобы ее сын был плохим учеником. Наверное, эта скучная учительница вызывала у него отвращение к школе и урокам, поэтому-то время от времени Валентин герметически замыкался в себе. А разве такое не случается и со взрослыми в этой шумной и напряженной городской жизни? Действительно, он не отрываясь читал одну за другой книги из ее библиотеки. Наверное поэтому у него и не хватало времени на учебники. Но разве у нее нашлись бы силы вырвать из рук сына „Пармскую обитель“, которую он сейчас читал, и всучить скучную математику? Нет, пусть этим занимается Цицелкова, за что же она получает зарплату?

11

Валентин перешел во второй класс с четверками. Но это Лору абсолютно не тревожило. Было еще слишком рано беспокоиться за его отметки. Она совсем успокоилась, и сын снова исчез из ее поля зрения. Но если бы она была немного понаблюдательнее, то заметила бы, что он становится все более молчаливым и замкнутым. Ест мало и через силу, почти не гуляет. Читает. Она так

привыкла видеть его склонившимся над книгой, что вообще перестала обращать на него внимание. Иногда у нее появлялась смутная надежда — если он так много читает, не выйдет ли из него кто-то... — она даже не смела мечтать, кто. Но Лора очень хорошо знала, что биографии всех великих людей начинались с неестественной и огромной любви к книгам. И никто из них, даже Эйнштейн, не был кто знает каким учеником.

Зимой Валентин заболел гриппом, правда, в не очень тяжелой форме. Войдя однажды в его комнату, Лора заметила у сына на лице необычный румянец. Его щеки просто горели. Она положила руку на лоб Валентина — он был горячим.

— Ты болен! — сказала она испуганно.

— Болен? — мальчик посмотрел на нее с надеждой.

— Не знаю, может быть, и болен.

Он на самом деле заболел. И пролежал в постели почти две недели. Он был тихим и не капризным больным, и Лора даже не заметила, как прошло столько дней. Время от времени она входила в комнату проводить его. Сын неподвижно лежал на своей узкой кровати, и его лицо светилось во мраке, словно озаренное каким-то внутренним светом. Лора мерила температуру, давала ему сироп. Иногда ее сердце сжималось от материнской любви и страдания. Кожа Валентина стала такой прозрачной, что сквозь нее словно проглядывала бледно-розовая плоть. Она его жалела — такого маленького, тихого и беспомощного. Ей и в голову не приходило, что он счастлив.

Валентин был действительно счастлив, как никогда в жизни. Он был свободен. Никто его не мучил, никто не беспокоил, не угнетал, никто не навязывал ему свою волю. Не было школы с ее невыносимыми переменами. Не было детей, которые орали ему в уши, били по голове твердыми портфелями, хихикали, ставя в коридорах под-

ножки, пихали ему в карманы разные гадости и потом снова хихикали, хихикали. Не было зловещей тишины класса, в которой, как безжалостный бурав, ему в уши ввинчивался голос учительницы.

Не было и самой учительницы. Было просто невероятно не слышать ее голоса, ее шагов, не видеть ее мясистой продолговатой фигуры. Полностью избавился он и от ее надоедливых вопросов. „Валентин, где твоё домашнее задание? Валентин, ты почему не слушаешь? Скажи, ты это делаешь нарочно? Нарочно, чтобы вывести меня из себя? Валентин, почему не слу-у-у-у-шаешь“. В ее голосе звучали злые, обиженные, даже беспомощные нотки. Иногда она смотрела на него с отчаянием, ей хотелось просто сбежать из этой проклятой школы, навсегда, навсегда. . . Настолько опротивел ей этот бледненький и хилый мальчишка, который единственный из всего класса спасался от ее власти, замыкаясь в себе.

Он избавился от всего, даже от мелких забот и неприятностей. Избавился от молока, от жирной еды, от утреннего умывания холодной водой, от чистки обуви, от хождения в булочную — от всего. Спасся даже от книг — от прекрасных книг, от самых прекрасных, чудесных книг. Как они ни были хороши, все-таки его к чему-то обязывали. Самыми лучшими и вольными были книги, которые он писал сам — в любое время дня и ночи, когда пожелает. А самыми прекрасными, самыми странными были книги, которые рождались когда начинала повышаться температура. Самыми лихорадочными, самыми радостными.

Из всех окружавших его в жизни людей он радовался только матери, когда та входила в его комнату, как всегда немного спешащая и далекая. Клала свою холодную руку на его лоб, переодевала его, давала лекарства. Ночью, вырывая его на короткое время из мягких теп-

лых объятий постели и сновидений, она давала ему большую и гладкую розовую таблетку. Валентин с трудом проглатывал ее, запивая кипяченой водой, после чего снова начинал погружаться в счастливое небытие. Просыпался он рано, с тихим приятным чувством, что впереди его ждет длинный день свободы, который он проведет наедине со своими мыслями, со своими самыми новыми, еще непридуманнными мыслями, которые сотворит сам, как время творит жизнь. Дни были облачные, он любил облачные дни, ненавидел солнце, которое слепило глаза и мешало думать. Часто шел мягкий, пушистый, теплый снег, совсем редко дул ветер, который, наверное, уже пах весной и влагой. Иногда в приоткрытую дверь просовывалось раскрасневшееся от холода лицо отца. Он ласково спрашивал его: „Как ты себя чувствуешь, мой мальчик?“ Но не входил, как это было хорошо, что не входил. . .

Наконец Валентин выздоровел, и теперь ему не оставалось ничего другого, как вернуться в школу. Он действительно пошел туда с новым чувством, вынужденный отдых придал ему смелости. К тому же в последние дни у него в душе как будто появилось какое-то слабое желание снова увидеть свой класс. Так бывает всегда, человек быстро привыкает и к счастью, и к свободе, и готов пожертвовать ими при первом же испытании. И не из любви к испытаниям, а просто из желания придать им какой-нибудь фон, на котором они выглядели бы еще более привлекательными. Люди не могут лепить свое счастье слой за слоем, с сиропом из грецких орехов посередине, подобно сладкому слоеному пирогу.

И как только Валентин появился в школе, сразу же произошло несчастье — он получил первую в своей жизни двойку. Разумеется, по математике — он пропустил много уроков. Это его так поразило, что он не заметил,

как по щекам потекли слезы. Но мать приняла эту в сущности ожидавшуюся новость не столь трагично.

— Не так уж это страшно! Наверное, она будет в твоей жизни не последней. . .

Делать было нечего, Лоре пришлось засесть с сыном вместе за учебники. И, конечно, ее поразило то, как изменилась обыкновенная детская арифметика. Какими усилиями ее сделали трудной и непонятной. К ее удивлению, сын оказался довольно сообразительным, и быстро наверстал пропущенное. Но все равно она чувствовала, что Валентин занимается без интереса, механически, через силу. Он так часто отвлекался, словно исчезая из комнаты, что Лора наконец разозлилась.

— Ты что, действительно не можешь сосредоточиться? . . . Ни на минуту?

Валентин виновато молчал.

— Ты несчастный мальчик! — сказала мать. — Твоя тупая учительница, пожалуй, окажется права. . .

Не сумев справиться с собственными колебаниями самой, в конце учебного года Лора отправилась к своему знаменитому брату, который к тому времени стал чем-то вроде главы фамилии. Этот занимавший большой пост человек ничем не походил на свою младшую сестру. Крупный, мясистый, с бурлящей в жилах горячей кровью, с плешивой макушкой, на которой даже зимой выступал пот. Он был больше похож на мясника, чем на известного физика-атомщика. Пока Лора делилась с ним своими страхами и сомнениями, он так тяжело и презрительно сопел, что она чуть было не прервала рассказ посередине. Да и что, в сущности, мог ей посоветовать этот закоренелый старый холостяк, презиравший женщин и обходивший стороной квартальные скверики, чтобы не слышать детских криков. Когда Лора наконец закончила, он достал из кармана огромных размеров носовой платок, старательно вытер лысину и сказал:

— Хорошо! . . . Дай мне его на две-три недели. . . Мы с ним вместе отдохнем на море.

Лора не могла поверить своим ушам.

— И что переменится после того, как вы проведете эти две-три недели вместе?

— Пойму, что это за мальчик. . . Но скажу тебе прямо — то, что ты мне рассказала, пожалуй, с отрицательной стороны рисует тебя, а не его. . . Что ты хочешь от мальчика? . . . Неужели будет лучше, если из него вырастет хулиган или драчун?

Как бы там ни было, Лора вернулась домой успокоенная. По крайней мере ей удалось разделить груз сомнений с другим человеком. Да и Валентин закончил второй класс лучше, чем первый. Лоре уже казалось, что тучи над головой мальчика начинают медленно расходиться.

12

Они действительно вместе поехали на море — в Ахтополь. Лора проводила их в аэропорт с тревогой в душе. Не слишком ли она доверяла этому огромному, небрежному человеку, известному своей ученой рассеянностью? Ведь ему ничего не стоит забыть Валентина еще на аэродроме в Бургасе. Они оба были слегка тронутыми. Ко всему прочему день выдался дождливым, с грозой, на западе громоздились тяжелые тучи, время от времени их прочерчивали яркие, еще беззвучные молнии. Вылет самолета два раза откладывали, пока наконец он не набрал на взлетной полосе и скорость, и смелость. Лора вернулась домой подавленная, но в тот же вечер получила аккуратную телеграмму — до места они добрались благополучно.

Лора никогда так и не поняла, что Валентин провел на море свое лучшее, самое счастливое лето. И самое

свободное. Сначала дядя действительно несколько раз водил его на пляж. Лежал на песке, выставив свой гладкий, как у женщины, живот, недовольно смотрел на море и сопел. А там уже разные мальчики и девочки посвящали Валентина в тайны моря. Но так продолжалось до тех пор, пока не собралась вся дядина компания, с которой он договорился вместе провести лето в Ахтополе. И после этого он вообще перестал мучить себя искусственным поджариванием на солнце. Передал Валентина заботам жен своих приятелей, а сами мужчины презрительно повернулись к морю спиной. С раннего утра они собирались на веранде дома, в котором жили, всего утопающего в тени винограда, расстилали одеяло и доставали две колоды карт. Их руки чуть ли не дрожали от нетерпения. Они играли в бридж так самозабвенно, словно в течение всего года только и мечтали об этих прекрасных летних днях, когда наконец останутся наедине с картами. Где-то к обеду Костаки, жилистый и темный, как высушенный осьминог грек, подносил им анисовую водку, редиску, иногда холодное пиво. Но даже тогда они не выпускали карты из рук, разве что игра становилась более шумной. Потом нетерпеливо обедали в каком-нибудь отвратительном ресторанчике и снова усаживались вокруг стола. Дядя не беспокоился о племяннике — тот находился в заботливых руках Нушки.

Нушка была всего на год старше Валентина, но на целую голову выше. Русоволосая, пухленькая, необыкновенно красивая. Ее голубые глаза сияли, как море утром, когда оно блестит на солнце. Она купалась как мальчики, в одних трусиках. Валентин озадаченно смотрел на ее мясистый, но гладкий, как у мальчика, бюст — неужели это и есть таинство женщины? Нушка вела себя с Валентином как с маленьким неразумным братишкой — давала советы, посвящала в многочисленные

тайны моря. Научила его плавать — не так уж далеко, но все-таки теперь он мог продержаться на поверхности воды несколько минут.

— Правда, красиво? — ненасытно спрашивала Нушка. — Правда, очень красиво?

— Очень! — совсем искренне отвечал Валентин.

— Особенно дно! Видно мельчайшие песчинки.

— Ты видишь дно? — озадаченно спросил Валентин.
— Разве в воде можно смотреть?

— А как же! . . . Ведь это-то и есть самое красивое!

Сначала Валентину казалось невероятным — смотреть в горько-соленой воде. Он с трудом решился открыть под водой глаза — ему казалось, что он сразу же ослепнет. Но в тот же миг перед Валентином предстал новый, сказочный мир, в чудесном зеленоватом сиянии, более захватывающий, чем самый-самый захватывающий пейзаж, который только может встретить человек на обожженной солнцем, сухой и голой земле. Вокруг плавали рыбки, покачивались голубоватые и розовые шляпки медуз, по перламутровому дну ползали маленькие, полупрозрачные рачки. Какая странная и невиданная жизнь существует в зеленой бездне моря! Валентин так пристрастился к новому, незнакомому миру, что стоял, погрузив голову в воду, пока не начинали болеть глаза или Нушка силой не вытаскивала его на берег. А когда он впервые надел и маску для подводного плавания, мир этот показался ему намного сказочнее.

На какое-то время Валентин забыл про свои мечты, для них просто не было времени. Да как будто не было и желания. Счастье, которое он испытывал от соприкосновения с этим теплым, лучистым миром, окружавшим его, было так близко и доступно, что не стоило напрягать свой ум и воображение, чтобы создавать другой. Мечты дремали, убаюканные морем. Золотистая жа-

ровня дюн, колыхавшаяся с утра до вечера, как будто накаляла и само небо — такое же белое и сверкающее, как освещенная солнцем внутренность раковин. Даже море на горизонте блестело и кипело, как молоко. Они не отходили от него по целым дням. Валентин как-то незаметно вытянулся, высох, его движения стали намного увереннее.

Вечером они с Нушкой долго сидели на вымытых волнами прибрежных скалах. Было очень красиво, особенно когда всходила огромная луна, кровавая и живая, как только что вырванный аденоид. Валентину становилось даже немного страшновато, когда он видел ее такой. Потом луна быстро поднималась по небу, ее кровавое лицо очищалось до призрачности, она серебрила не только дальний горизонт, но и близкие, совсем близкие колени Нушки.

— Ты все молчишь! — сказала она недовольно. — Тебе скучно со мной?

— Вовсе нет! — искренне ответил он. — Даже наоборот.

— Даже наоборот? — она засмеялась. — Тогда поцелуешь меня в щеку?

Она сказала это так спокойно и естественно, что по телу Валентина пробежали мурашки. Неужели можно так обыкновенно говорить о столь необыкновенных вещах?

— Ты вообще слышишь меня? — недовольно спросила она.

— Конечно, слышу! — ответил он слабеющим голосом.

И поцеловал ее в щеку. Ее кожа была очень холодной, словно она только что вышла из воды. Тем горячее казалась волна, залившая его лицо. Но Нушка выглядела все такой же спокойной и даже как будто немного ленивой, поцелуй не произвел на нее какого-то особого

впечатления. И Валентин вновь убедился, что он сам не похож на других, он совсем, совсем другой, что видит вещи, которые не видят другие, и ощущает все вокруг себя с какой-то нечеловеческой силой.

— Опять молчишь! — откликнулась она. — Тебе не понравилось?

— Понравилось! — вырвалось у него.

— Я в сущности сделала это только ради тебя! — внезапно сказала Нушка. — Знаю, что вы, мальчишки, только об этом и думаете.

— Я не такой! — обиженно вспыхнул Валентин.

— Тем лучше! — ответила Нушка и снова засмеялась.

— Тогда не буду зря и стараться!

И этот быстрый поцелуй, холодный, ошеломляющий, так и остался последним в его жизни. Нушка больше не предлагала поцеловать ее, даже как будто немного охладела к нему, хотя все так же ласково и сердечно наставляла его в море. Она знала, что отвечает за него „головой“, как ее предупредил тот толстяк, его дядя. И было бы не совсем честным, если бы она вернула ему Валентина порядком нацелованным.

Так пролетели две счастливых недели. Только на третьей дядя вдруг вспомнил, что приехал сюда с какой-то миссией. В шесть часов они заканчивали игру, и он брал мальчика с собой на прогулку. Но где могут прогуливаться сангвинический толстяк и хрупкий чувствительный мальчик? Самое большее — это, конечно же, дойти до пивной. Все знают, что для тихих дружеских бесед вряд ли есть в мире место лучше, чем летние павильоны у моря. Здесь подавали чешское пиво, а для детей холодный лимонад. К тому же пиво помогает беседе, во всяком случае лучше, чем лимонад. Дядя умел расспрашивать — тактично, без особой назойливости или нажима. Незаметно располагал к себе своими детскими воспоминаниями о времени, проведенном у мо-

ря, своими детскими мечтами и выдумками. Мальчик смотрел на него с тайным интересом и вниманием — может быть, и он сам не единственный в своем роде экземпляр в этом странном мире людей.

Поэтому через несколько дней разговорился и мальчик. Сначала очень стеснительно, не выдавая всего, что таилось в душе. Но дядя слушал его с таким вниманием и заинтересованностью, что он начал поддаваться искушению и чувствовать себя все свободнее. Так что в конце концов рассказал ему и часть своих приключений невидимки. Рассказал даже о том, как однажды ночью явился в образе господа бога своей учительнице (Цицелковой). Как только она погасила лампу и приготовилась лечь, он произнес гробовым голосом: „Слушайте, женщина, я запрещаю вам больше заниматься мальчиком Валентином. Оставьте его мне, я за него отвечаю!“

— И она ничего не ответила? — с любопытством спросил дядя.

— Нет, ответила. „Господи, вы ведь знаете, что мне запрещено разговаривать с вами!“

Дядя так захохотал, что опрокинул стол с превосходным чешским пивом и салатом из вяленой скумбрии. Вскоре после этого в ресторан вошли его приятели с женами и Нушкой. Разговор оборвался на самом интересном месте.

Через два-три дня они вернулись в Софию. Родители Валентина все еще не вернулись с курорта, поэтому он целую неделю оставался у дяди. Стояло скучное и жаркое городское лето, было просто некуда пойти. Ему ужасно не хватало моря. И так как делать было абсолютно нечего, он снова вернулся к книгам и мечтам. Ему никто в этом не мешал. Днем в квартире было совсем тихо, только утром сюда приходила старая молчаливая домработница, которая хлопотала по дому, пока

не приводила все в порядок. Потом она готовила, они вдвоем молча обедали, и она уходила так же бесшумно, как и появлялась. Валентин оставался совсем один. Его ждало хорошее, спокойное послеобеденное время, полное солнца и тишины.

Дядя возвращался обычно к пяти часам, такой оживленный и веселый, словно только что смотрел какой-нибудь смешной фильм. Валентин всегда искренне радовался его возвращению. Дядя ему не мешал. Вечерами они долго беседовали, смеялись, иногда ходили в летний кинотеатр, где садились на первые ряды вместе с ребятней. Валентин часто ходил в кино и один, так как дядя иногда играл в карты. Валентин любил смотреть на него, когда тот играл, это было даже интереснее кино. Дядя пытел и сопел с таким напряжением, словно играл не в карты, а пробивал какой-то бесконечный тоннель. Однажды после неудачного паса он так сильно ударил кулаком по столу, что несколько карт вылетело в окно.

За картами и застала его Лора, когда наконец пришла забрать Валентина. Толстяк встретил ее у двери в квартиру и недовольно посмотрел на нее.

— Иди в кабинет! — сказал он. — Подожди немного!.. У меня беспроегрывшая комбинация!

Лора вошла в знаменитый кабинет. Через некоторое время голос брата гневно прогудел в гостиной — беспроегрывшая комбинация явно уплыла из его рук. Но вернувшись к Лоре, он выглядел уже спокойнее.

— Послушай, сестра, в другой раз поговорим подробнее! А сейчас хочу сказать тебе только одно — у тебя славный сын!

— Ты так думаешь? — спросила, польщенная, Лора.

— Не думаю, а знаю! — брат был все еще разгорячен игрой. — Он не только умный и чувствительный маль-

чик. Таких много. По-моему, он наделен необыкновенным, я бы сказал колоссальным воображением.

Но сестра, казалось, не была так уж обрадована этим открытием.

— Не понимаешь? — озадаченно спросил физик.

— Такие рождаются один на сто тысяч. Да что я говорю — один на миллион, на сто миллионов!

Лора сдержанно улыбнулась.

— Каждый ребенок. . . — начала она.

— Не каждый ребенок! — раздраженно прервал ее брат. — Не каждый ребенок! . . . Запомни самое важное, что я тебе скажу. Хотя я и не психолог, а физик. . . Память — это только основа сознания. А воображение — его высочайшая вершина! . . . Эверест, Джомолунгма!

— В кого он такой? — иронически спросила она. — В меня? Или в тебя?

— Почему бы и не в меня? . . . Должен честно тебе сказать, что мне это льстит. Если хочешь знать, Эйнштейн отличался от своих современников-физиков не столько умом. . . И вряд ли знаниями. . . А воображением. А мы считаем воображение чуть ли не лишним. Как считает, наверное, и его учительница.

— Да, она считает, что оно просто ему вредно! . .

— Как так — вредно? — нахмурился он.

— Да вот так — вредно! . . В конце концов, он пока еще не отличник.

— И что из того, что не отличник? — чуть ли не крикнул брат. — Я не променяю его на всю ее школу! . .

— Я не пришла сюда шутить! — неохотно сказала сестра.

— А я не шучу! . . Послушай, у меня сейчас нет времени. Одно тебе скажу — заberi его из этой школы! Я хочу сказать, от этой учительницы. . . Она его просто погубит. Переведи его в другую школу. . .

— Сейчас детей нельзя переводить. . .

— Можно! . . Я его переведу, если тебе это неудобно. . . Это дарование, его надо беречь. . . Меня поймет и последний дурак.

— Не поймет! — сказала Лора мрачно.

— Все равно, главное сохранить ребенка.

Лора посмотрела на него с любопытством.

— Ну хорошо, кем, по-твоему, он мог бы стать? Писателем? Физиком?

— Все равно. . . Кем бы он ни стал — он достигнет вершин! . .

Брат направился к двери.

— Подожди, а где Валентин? — остановила она его.

— В кино! — брат посмотрел на часы. — Скоро должен вернуться.

— Один в кино? — уставилась она на него. — Так поздно? У тебя что, не все дома? . . Да ведь он еще ребенок! — испуганно закончила она и тоже взглянула на часы.

— Нет, не ребенок! — ответил он с досадой. — Что ты знаешь! . . Ну ничего, сиди здесь и жди. Он сейчас вернется, уверяю тебя.

И брат вышел из кабинета. Трое игроков сидели на своих местах, нетерпеливые и нервные. Увидев, что он появился на пороге комнаты, тоже покрасневший и нервный, они удовлетворились тем, что только проворчали что-то непонятное и снова схватились за свои карты.

— Мы трое пас! — сказал один из них. — Твоя очередь!

— Да, моя, моя! — сказал задиристо физик. — Разумеется, моя очередь! . .

К профессору Мирчо Евгениеву, дяде Валентина, я проник, пожалуй, легче всего. Позвонил по телефону, объяснил ему в нескольких словах, кто я и почему хочу с ним встретиться. На другом конце провода замолчали, но я как будто слышал его тяжелое глубокое дыхание. Или мне по крайней мере так показалось. Я уже довольно много знал про него, и пытался представить себе профессора в этот момент — колеблющегося и нахмуренного.

— Откуда вы знаете про Валентина? — спросил наконец он.

Его тон был действительно неприятливым и мрачным.

— Я последний видел его в живых... Там, на озере... Может быть, за несколько минут до смерти...

Я очень хорошо рассчитал свои слова. И словно увидел, как он вздрогнул на стуле.

— Хорошо, приходите!... Сразу же, если хотите. Вы откуда звоните?

— Из дома... Я живу недалеко...

— Все равно!... Жду вас!

Я ясно почувствовал напряжение в его голосе. И очень хорошо знал, о чем он думает в этот момент. Я не садист, и поэтому как можно быстрее направился на знакомую улицу, зная, что он меня ждет, напрягшийся от нетерпения. Позвонил в дверь. И пока вслушивался в тишину, стараясь расслышать его шаги, до меня донеслись спокойные, но сильные медные звуки боя настенных часов. Это показалось мне каким-то предзнаменованием. Когда звуки в глубине квартиры затихли, дверь открылась и профессор сказал немного охрипшим голосом:

— Пожалуйста, проходите!...

Мы прошли в его кабинет, он молча указал мне на кресло. Я осторожно опустился в него, не отрывая взгляда от профессора. Я не обманулся — на его раскрасневшемся лице было ясно написано внутреннее напряжение.

— Слушаю вас! — произнес он.

Я довольно подробно рассказал ему о нашей встрече с Валентином — до последней минуты, и только тогда отвел от него взгляд. Он слушал меня с таким же огромным напряжением. И все-таки я заметил, как его лицо оживилось и во взгляде промелькнуло нескрываемое облегчение.

— Значит, ребенок показался вам довольно бодрым и жизнерадостным, не так ли?

— Да, почти так! — ответил я. — Тогда он не знал и не предчувствовал своей смерти. Или по крайней мере не понимал сущности этого слова. . .

Профессор резко откинулся назад, и мне показалось, что стул чуть не застонал под его тяжестью.

— Значит, все произошло совсем случайно?

Теперь его голос выражал явное облегчение — то внутреннее облегчение, к которому я напрасно стремился уже несколько месяцев.

— Нет, не случайно! . .

Он снова впился в меня своими светлыми глазами.

— Что вы хотите этим сказать?

— И я не знаю! . . Но не случайно. Мы все в какой-то мере виновны в его смерти. . . В том числе и я. . . Главным образом в том, что мы не знали, не понимали ребенка.

Профессор внезапно осунулся, его лицо стало совсем серым.

— Да, вы правы! — с усилием произнес он. — Мы на самом деле его убили. Все, дружными усилиями, включая его отца и мать. А самый виноватый, пожалуй, я. . .

Потому что, в сущности, только я понял его, знал, что он из себя представляет.

После этого он медленно, глухим голосом рассказал мне об их последнем лете. Когда он наконец закончил, мы оба сидели молча, каждый со своими мыслями и кроющимися в глубине души вопросами. Потом он снова нарушил тишину.

— Конечно, вы можете меня спросить. . . Почему мы все-таки не перевели Валентина в другую школу? Почему мы этого не сделали, если я был глубоко убежден в необходимости этого? Конечно, здесь известную отрицательную роль сыграл и его отец. Но не это самое важное — не это! Потому что в конечном счете и он не понимал смысла своего поступка. А я понимал. Тогда почему я этого не сделал? Не знаю почему, не могу найти ответа. Или наоборот — могу. В том-то все и дело, что мы живем в этом мире вяло и лениво. Живем, даже не стараясь вникнуть хотя бы немного поглубже в самих себя. Или в других, все равно. Но хотя бы в себя, потому что пришлось бы отвечать за свои дела. . .

— В том то и дело, что мы не можем понять и свои дела! — сказал я с горечью.

— Конечно! — живо откликнулся он. — В лучшем случае понимаем их практическое значение. Но не их глубокий смысл. Мы полностью погружены в будни, они лишают нас возможности отличать важное от незначительного, сохранить свои критерии, свое чувство ответственности. . . И думаем, что все как-нибудь уладится и исправится и без нашего личного вмешательства. . .

Он замолчал. Молчал и я, у меня не было никакого желания говорить. Я сознавал, что он прав, я уже давно понял это. И теперь вся эстетика Гегеля стала казаться мне заплесневевшей и безвкусной копной сена.

— Значит, вы считаете. . . — неуверенно начал я.

— Да, считаю! — он резко прервал меня. — Сейчас считаю, конечно. . . Потому что мы виделись с Валентином еще несколько раз. У меня была возможность поговорить с ним. Мне показалось, что он очень изменился. Я хочу сказать, в положительном смысле. . . И все-таки, как видно, я не понимал некоторых особенностей. . . Некоторых мелочей, как мне тогда казалось. . . А выходит, что они-то и были самыми важными, просто не знаю, какое слово подобрать.

Хотя и полный глубокой горечи, сейчас его голос звучал яснее и чище. Я слушал его, не трогаясь с места, слушал и снова погружался в странный и невероятный мир ребенка. Сейчас все, что он мне сказал, начинало звучать как притча.

14

Для постороннего человека эти вещи на первый взгляд действительно показались бы мелочами. Случилось так, что еще прошлым летом в руки Валентина попал фантастический роман Беляева „Человек-амфибия“. Делать было нечего — чтобы понять мальчика до конца, я должен был прочитать эту книгу, сыгравшую в его жизни такую огромную и может быть роковую роль. Сначала она показалась мне довольно глупой и бездарной. Наверное, так оно и было, но когда я перевернул последнюю страницу, почувствовал себя довольно неуверенно. В сущности, какое значение имели достоинства или недостатки этого романа? Конечно же, никакого! Я давно понял, что книги были для него скорее поводом, чем основанием мечтать. Сейчас мне нужно было понять, что же мальчик увидел в этой книге. Она действительно была захватывающей и предоставляла простор его фантазии.

Вот в нескольких словах содержание самого романа. Какому-то аргентинскому ученому удалось пересадить оперативным путем искусственные жабры маленькому мальчику. И Ихтиандр вырос почти как рыба в океанских глубинах. Все его попытки жить после этого среди людей, используя собственные легкие, заканчивались чуть ли не трагически. В этом ослепительном земном мире человеческого шума и вони, алчности и каннибалистских нравов для него не оказалось места. И он снова вернулся в океанские глубины к добрым, кротким и безобидным рыбам и веселым дельфинам. На суше у него постоянно болели жабры.

Чем дальше я читал книгу, тем больше погружался в сказочный мир мальчика. И уже на все смотрел его глазами. Этот подводный мир тишины и призрачного света был ему близок и понятен еще из воспоминаний о лете. Тогда он часами с затаенным дыханием всматривался в его необыкновенную и неожиданную красоту. Иногда мне казалось, что в полупрозрачной бездне океана я вижу не Ихтиандра, а самого Валентина. Или вижу его где-то на отмелях, среди коралловых рифов, одного, окруженного желтыми и синими рыбами, как в какой-то волшебной сказке. Я видел его и с самым близким и верным другом — дельфином Лидингом. Они досыта ныряли и играли в морских глубинах среди близоуких и доверчивых рыб, которые не пугались своего подводного брата. Мальчик часами прогуливался на спине Лидинга по поверхности спокойного океана, они вместе ныряли в мрачную глубину, чтобы затем снова выскочить в сияние света. Наконец, уставший, Лидинг отвозил мальчика в подводную пещеру, в которой тот всегда прятался, когда чувствовал угрозу со стороны людей.

Да, от людей шли все его беды — от людей, которых он не постигал и не понимал. И они его не понимали и

считали чуть ли не каким-то чудовищем или вырождением. Не понимала его и Гутиере. Я видел, как он подносит ей свою огромную жемчужину, самую красивую, которую однажды нашел на дне океана. Гутиере была просто не в силах оторвать от нее свой изумленный взгляд, чтобы увидеть его — не Ихтиандра, а Валентина. Он вернулся в свою подводную пещеру огорченный, осторожно перенес со своей жесткой постели расположившегося там огромного сонного омара. Из мрака медленно выплывали крупные, полупрозрачные рыбы и сочувственно тыкались в него своими носами.

Мальчик жил этой мечтой долго — почти целый год. Все его существо прониклось ею. Благодаря мечте он стал спокойнее и увереннее и в жизни. А может быть, это было вызвано редкими встречами с дядей. Намного сосредоточеннее и внимательнее стал он и в классе. Даже отметки начал получать получше. Уже не читал так много и безразборно, как в прошлые годы. Его воображение было насыщено.

Успокоенная переменой, Лора перестала думать о переводе мальчика в другую школу. Да и Радослав Радев решительно воспротивился этому.

— Я в принципе не согласен! — категорическим тоном заявил он. — Хорошо, скажем, переведем его к другой учительнице, получше. Что мы от этого выиграем? Ничего!... Он только станет еще рассеянее, отметки совсем испортятся... Характер формируется в молодости. Если мы сейчас не настояим на своем, завтра будет уже поздно.

Лора молчала, хмурилась. Все-таки в доводах мужа была какая-то логика. Но в душе она инстинктивно чувствовала, что он не прав. Смутно ощущала, что над ее сыном нависла какая-то еще не ясная опасность.

— Не знаю! — подавленно ответила она. — Мне кажется, эта женщина просто убивает в нем чувство соб-

ственного достоинства. Она ничего в нем не формирует, а только разрушает. И делает это чуть ли не с удовольствием.

— Почему?

— Очень просто — потому что она его ненавидит!

— Ты слышишь, что говоришь? — чуть не взорвался Радослав. — Начинаешь болтать, как квартальные кушшки. . . Ненавидит нашего ребенка! Ты хоть отдаешь себе отчет в том, за что она вообще могла бы его ненавидеть? Уж не мешает ли он ее карьере?

— Мешает, конечно! — холодно ответила Лора.

На этом разговор закончился. И он совсем обезоружил Лору в ее благих намерениях. Да и дядя, погруженный в ежедневные заботы и маленькие холостяцкие развлечения, быстро забыл о собственной категорической позиции. Может быть, нам не следует его слишком за это винить. Он сказал то, о чем должен был сказать, а об остальном следовало позаботиться родителям.

Прошла зима, длинная и тягостная, как всегда серая, хмурая, мрачная, почти без снега, но с туманами и сухим морозом. Зато весна была чудесной, с таким высоким голубым небом, какого я давно не видел. Я ходил, словно зачарованный, по болотам и сельским водохранилищам, потому что рыбная ловля в реках была уже запрещена. И Валентин словно пробудился от своего оцепенения, начал выходить, хотя и редко, на улицу, засматриваться на небо. Наверное, в его душе со всей силой зародилась надежда снова поехать на море, вновь заглянуть в свое сказочное царство. Да, скоро он туда поедет, и все-таки придется еще бесконечно долго ждать! Нельзя ли сейчас хоть одним глазком взглянуть на море, чтобы набраться сил на оставшиеся месяцы? Однажды, в начале мая, он попросил отца:

— Папа, очень тебя прошу, отвези меня к морю!

Отец, казалось, был даже польщен. Мальчик никогда ничего не просил и не хотел от него.

— Сейчас на море холодно, сынок! . . . И оно сейчас очень бурное, так что придется смотреть на него изда-лека!

Валентин не любил бурное море, оно было ему чуждо, пугало его слабую душу. Но все равно мечта увидеть какую-нибудь водную поверхность, величественную, спокойную, вечную, была, наверно, сильнее его са-мого.

— Тогда отвези меня к озеру! . . . Я еще ни разу в жизни не видел озера.

— Ты не видел озера? — удивился отец. — Хорошо, отвезу.

И без того он недавно купил машину, отказавшись, конечно, от персидского ковра. Взял у кого только мог в долг, взял займ в сберкассе и все-таки купил машину — купил благодаря связям, не ожидая очереди. В пер-вое же воскресенье посадил свою небольшую семью в синюю „Ладу“ и отправился по шоссе в сторону Само-кова. Вскоре они добрались до Аистового гнезда на бе-регу водохранилища Искыр, где находился ресторан. Ко-нечно, водохранилище и озеро не одно и то же, но Ра-дослав рассчитывал, что мальчик не поймет разницы.

— Вот тебе и озеро! — довольно сказал отец.
— Смотри на него, сколько хочешь! . . .

Этой весной водохранилище было полноводным, как никогда, вода дошла до самого основания каменно-го парапета на берегу. Валентин сам не свой устремил-ся к нему. Перед его взором расстилалась бескрайняя голубая водная ширь, зеркально спокойная, чистая, мо-жет быть, даже красивее самого моря. В ней неестест-венно отчетливо отражались громады белых облаков. Когда через час Радослав вышел из ресторана посмот-реть, что делает мальчик, то нашел его в той же позе, в

какой оставил. Но лицо сына было еще более углубленное в себя, на нем ясно читались следы с трудом сдерживаемого волнения. Услышав шаги отца, он вздрогнул и покорно направился к нему.

— Валентин и правда слишком чувствительный! — озабоченно сказал Радослав жене.

Лора слегка нахмурилась, но промолчала.

15

Может быть, кто-то подумает — не уделяю ли я слишком много внимания Цицелковой? В самом ли деле она сыграла в жизни мальчика столь роковую роль? Конечно, я бы на этом не настаивал, если бы не был лично в этом убежден. И все-таки, чтобы не оставалось никаких сомнений, я должен рассказать и о последнем случае, который произошел между ними. К несчастью, это случилось незадолго до начала летних каникул. Приступив к выяснению причин случившегося, я зарекся быть объективным и не поддаваться собственным чувствам. Но это вовсе не означает, что я буду снисходительным — ведь правда в известной мере всегда бывает суровой и безмилостной.

Итак, в тот день Цицелкова должна была раздать тетради с сочинениями по картинке. Впрочем, я видел эту неуклюжую картинку. Не знаю, может быть, это известный рисунок, наверное, вы тоже писали по нему сочинение. На нем изображено раскидистое дерево, на одной из веток которого виднеется напоминающее колпак гнездо. Из него высовываются черепашки головки нескольких птенцов. Под деревом стоит мальчик в смешных брючках. В руках у него вывалившийся из гнезда птенец, который кажется несоразмерно большим и похож скорее на петуха, чем на птенца.

Обычно в таких случаях учительница вызывала одного за другим нескольких лучших учеников, заставляя их читать свои сочинения вслух. Вероятно, Валентин был спокоен — никогда еще до сих пор учительница его не вызывала, его отметки по болгарскому языку всегда были средненькими. На сей раз он постарался над своим сочинением, даже может не столько постарался, сколько увлекся. Кто знает, наверное, у него в душе была какая-то надежда. До сих пор ему еще не удавалось заслужить благоволение учительницы. А в этот день она была в очень хорошем настроении. Взяв верхнюю тетрадку, Цицелкова прочитала первую фамилию:

— Василка Андреева! . .

Встала высокая худенькая девочка с тоненькими ножками. Все знали, что Василка — одна из любимиц Цицелковой. Она прочитала свое сочинение громко, немного визгливо и как всегда самонадеянно. Потом учительница вызвала еще одну ученицу, потом одного из мальчиков — „Маленькую кобру“, как его все называли в отличие от „Большой кобры“, другого мальчика из класса в очках. Все сочинения были довольно короткими, из пяти-шести предложений: „Иванчо пошел погулять. Он увидел под деревом вывалившегося птенца. Иванчо очень обрадовался. Перевязал сломанную ножку птенца, потом. . .“

Потом мнения разделялись. Василка отнесла птенца домой, пока тот не выздоровеет. „Маленькая кобра“, ясное дело, полез на дерево, чтобы посадить его обратно в гнездо. Что же касается. . .

— Валентин Радев! — внезапно произнесла учительница.

Валентин вздрогнул и молча встал. Цицелкова сунула ему в руки тетрадку.

— Читай! . .

Он открыл первую страницу и начал читать — на-

столько смущенный, что начал заикаться и запинаться на каждом слове.

„Была весна, светило красивое ясное солнце. Маленький кукушеночек выполз на край гнезда. И впервые увидел поляну, усеянную красивыми цветами. Высоко над ним сияла синева неба. Вдруг ему захотелось полететь ввысь, окунуться в синеву, вернуться оттуда красивым и синим, как никакая другая птица на свете.“

Валентин почувствовал, что его голос окреп, и продолжил уже более уверенно и спокойно.

„Ему так сильно захотелось взлететь, что он не заметил, как оказался в воздухе. Но его слабые крылышки не выдержали, он полетел на землю и свалился в расцветшую траву. Когда старая кукушка вернется, как найдет его в этой густой траве?“

— Ошибка! — радостно воскликнула учительница. — Две ошибки! — В ее голосе просто слышалось ликование. — Во-первых, кукушка сносит яйца в чужие гнезда! И во-вторых, трава не цветет, мальчик! Где ты видел, чтобы трава цвела?

Она окинула торжествующим взглядом притихший класс и продолжала:

— Вот что получается, когда невнимательно слушаешь то, что я объясняю!.. Читай дальше!

Валентин продолжал совсем упавшим голосом.

„Но в этот момент на тропинке показался добрый мальчик. Он нашел кукушенка в траве.“

— Что с тобой, маленькая птичка? — спросил мальчик.

— У меня сломано крылышко! — ответила птичка.“

Учительница внезапно разразилась смехом. Она так смеялась, что были видны даже ее нёбные миндалины. Сначала класс смотрел на нее удивленно и недоверчиво, все молчали. Но ее смех был столь заразителен, что вскоре заржали и сидевшие на задних партах верзилы.

Затем друг за другом захихикали и другие, пока не загрохотал весь класс. Только Славка молча сидела на своем месте и изумленно смотрела вокруг. Валентин все так же стоял перед классом, его лицо побледнело. Наконец учительница немного пришла в себя и прикрикнула:

— Ти-и-хо! . . . Читай, Валентин!

Валентин на нее даже не взглянул, только склонил голову над тетрадкой. Сейчас его голос звучал сухо, почти с ненавистью.

„Я тебя вылечу! — сказал мальчик.

И прижал птенца к сердцу с такой любовью, с таким желанием помочь ему, что птенец вдруг выздоровел“.

Учительница снова разразилась смехом. Но на этот раз ее не поддержали даже верзилы.

— Глупости! — наконец произнесла она. — Глупости в квадрате! Птицы не говорят, Валентин! Ты когда-нибудь слышал, чтобы птица говорила?

— Это сказка! — мрачно ответил Валентин.

— Какая сказка? Это рассказ. Понимаешь — рассказ по картинке. Что это еще за выдумки? Вот что получается, когда не слушаешь в классе!

Валентин, нахмурившийся, молчал. И класс погрузился в молчание. Наверное, лишь в эту секунду учительница поняла, что переусердствовала с насмешками.

— Ну ладно, садись! . . . И в следующий раз будь внимательнее!

Валентин пришел домой такой расстроенный, что даже его рассеянная мать заметила это.

— Что с тобой, Валентин, что случилось? — спросила она, продолжая накрывать на стол.

— У меня болят жабры! — тихо ответил мальчик.

Ей показалось, что она плохо расслышала.

— Какие жабры?

— Просто жабры! — нетерпеливо ответил он. — Ты разве не знаешь, что такое жабры?

Только теперь мать подняла голову и взглянула на него. Валентин вдруг испугался.

— Ничего, мама, это я просто так, болтаю! — равнодушно сказал он.

На этом разговор закончился.

Я нашел эту злополучную тетрадку, нашел и многие другие детские тетради, в которых Цицелкова набросала свои знаменитые замечания и замечаньица. Но больше всего меня поразила маленький рассказ Валентина. Конечно, он был написан корявым почерком и почти совсем не обработан. Ни одна буква не походила на другую, словно их писали разные дети. В конце он как будто немного устал — слова становились все неразборчивее, строчки сползали вниз. Но как вы сами понимаете, это было чудесное сочинение, ничем не похожее на сочинения других учеников. Однако Цицелкова вообще не обратила на это внимания.

Я внимательно прочитал ее замечания. Красные чернила плясали главным образом по полям тетрадки: несколько восклицательных знаков, выстроившихся, как телеграфные столбы. Что же еще ей оставалось делать, если в тексте не было никаких орфографических ошибок. Но она нервно зачеркнула слова „добрый мальчик“ и написала над ними „Иванчо“, а на полях — „Слушай в классе!“ Все другие ученики называли мальчика „Иванчо“ — очевидно, учительница объяснила им, что должно быть в сочинении. В самом низу неразборчивым даже для меня почерком она написала „Нет заключения“ и как-то злорадно подписалась. Отметкой, конечно же, была двойка. . .

„Вдруг ему захотелось полететь ввысь, окунуться в синеву, вернуться оттуда красивым и синим, как никакая другая птица на свете.“

Эти простые слова навсегда останутся в моей памяти. Странно, как хотя бы они не поразили скудное воображение Цицелковой! А о ее душевной грубости и неделикатности вообще не стоит говорить. Как и о ее познаниях о траве.

Вскоре после этого случая Валентин сказал отцу:

— Папа, то, что ты мне показал, было не озеро!

— А что же, мой мальчик?

— Самое обыкновенное водохранилище.

— Какая разница? — пожал плечами Радослав Радев.

— Как какая? Да ведь под водой нет настоящего дна!.. Только разные там стены и затопленные села.

— Это не имеет значения, — ответил Радослав Радев. — Вода есть вода. Ты глазел на нее почти целый час.

— Да, но я думал, что это настоящее озеро.

Отец махнул рукой.

— Что же делать? У нас нет настоящих озер.

— Есть! — настойчиво сказал мальчик. — Очень тебя прошу, папа, отвези меня на настоящее озеро.

— Ну ладно, отвезу! — с досадой сказал отец.

— Найду тебе настоящее озеро.

Мы нашли его вместе. Чтобы мальчик остался в моей душе вечно живым.

Мальчик стоял в сумраке ресторана, его худенькое лицо светилось, словно маленькая луна.

— Папа, пусти меня к рыбе! — попросил он.

Крупный мужчина, сидящий за столиком, насупился. Он не привык уступать, особенно детям. Да и с какой это стати разные там посторонние люди будут вмешиваться в его семейные дела.

— Пусти его, пусть идет! — сказала мать ледяным тоном. — Ведь мы для этого сюда и приехали, из-за его озера!

Говоря, она даже не взглянула на своего мужа. Худощавый плешивый мужчина, с которым мальчик говорил до этого, чуть заметно нахмурился.

— Папа, я очень тебя прошу! — повторил мальчик.

— Хорошо, иди! . . . Но чтобы через пятнадцать минут был здесь! . . . И не заставляй меня за тобой бегать!

Лицо мальчика посветлело, и он пулей вылетел из ресторана, не сказав больше ни слова. Вокруг было очень светло, хотя котловина уже погрузилась в тень окружающих ее вершин. Зато небо стало еще синее и как будто тверже, низкие, почти прозрачные облака давно растаяли в воздухе. Не оглядываясь, мальчик побежал к озеру. Но склон здесь был довольно крутой, и Валентин почувствовал, как ноги у него начали подгибаться — все больше и больше, почти болезненно, — сейчас он в любую минуту мог кубарем покатиться вниз. Но он все-таки сумел остановиться, даже присел. Затем медленно и осторожно спустился к озеру.

Его рыбка все еще жила в своем маленьком бассейне, огражденном камнями. Она даже немного выпрямилась и плавала уже не на спине, а чуть боком. Кто знает, может быть он действительно влил в ее холодное тельце часть своих сил. От этой мысли мальчик присел на корточки и с надеждой всмотрелся в нее. Ихтиандр помогал своим рыбам. После отлива океана собирал их на берегу и бросал обратно в воду. Разрезал острым ножом сети рыбаков. А он — как он поможет своей едва ожившей рыбке? Валентин напряженно следил за ней, ему казалось, что она словно собирается с силами. Она плавала, едва шевеля хвостиком, ее жабры мучительно вздрагивали. Рыбка как будто еще немного выпрямилась. Пока мальчик нетерпеливо переминался с ноги на

ногу, где-то высоко над его головой заурчал автомобиль. Валентин испуганно обернулся. Нет, их „Лада“ все так же стояла на своем месте. Наверное, это уезжали на газике трое незнакомцев. А вместе с ними и рыбак в смешной шапке. Мальчик почувствовал неясное облегчение. Конечно, этот дяденька очень добрый, но все равно хорошо, что он уезжает. Рыбка, живая или мертвая, должна принадлежать только ему. Но почему мертвая? Она не может умереть, пока он заботится о ней! Лишь бы отец побыл в ресторане еще немножко, чтобы у него хватило времени! И мальчик с надеждой посмотрел на рыбку.

О, чудо! Она уже совсем выпрямилась. Сейчас в воде была видна только ее тоненькая спинка, так красиво расцвеченная розовыми пятнышками. Она плавала очень медленно, тыкаясь носом в камни ограды.

— Милая рыбка, хочешь, я тебя отпущу? — спросил мальчик.

Ему показалось, что рыбка пошевелила своими бледно-розовыми плавниками.

— Вот, милая рыбка, плыви!

Он убрал несколько камней из ограды и легонько подтолкнул рыбку к выходу. Но она по-прежнему нерешительно стояла на пороге, как будто боялась расстаться со своим спасителем.

— Плыви, рыбка, плыви! . . . Плыви свободно! . . .

Рыбка как-то нерешительно выплыла в открытое озеро. Помедлила еще немного, затем отплыла подальше.

— До свидания, милая рыбка! — сказал мальчик.

Тогда рыбка медленно повернула к нему свою гладкую мордочку. И внезапно в воздухе прозвенел тоненький серебряный голосок.

— Ты спас меня, милый мальчик, и теперь имеешь право на три желания!

—Мне хватит одного! — тихо сказал мальчик. — Я хочу увидеть Гутиере...

—Гутиере? — испуганно вздрогнула рыбка. — Попроси чего-нибудь другого, мальчик!..

—Человек может иметь только одно желание!..

—Хорошо, иди за мной! — сказала рыбка.

Как загипнотизированный, мальчик пошел вперед. В тот же миг холодная вода словно обожгла его ноги.

—Испугался? — спросила рыбка.

—Нет, просто мне немного холодно!

—Иди, иди!.. Холодно только тогда, когда ты наверху!..

Мальчик снова пошел вперед. Его уже не пугал холод и мрак бездны. Рыбки он уже не видел, только слышал ее слабеющий голос.

—Подумай еще раз, милый мальчик! Не будет ли тебе жаль твоей матери?

Мальчик заплакал.

—Я хочу увидеть Гутиере! — сказал он. — Я хочу быть с вами... С ними у меня ужасно болят жабры...

—Тогда иди!.. Иди за мной!..

Мальчик шел на голос. И вдруг увидел в голубой прозрачной воде бесплотную, как тень, Гутиере. Она показалась ему необыкновенно красивой, хотя ее лицо было бледным, как у покойника. Вокруг нее, словно золотое облако, плавали ее роскошные волосы. Гутиере пристально смотрела на Валентина своими голубыми глазами и молчала.

—Прости меня, Гутиере! — тихо сказал мальчик. — Я не Ихтиандр! И никогда им не был!

Гутиере снова ничего не ответила, только подняла свою бледную прозрачную руку. Как зачарованный, мальчик пошел к ней.

ОЗЕРНЫЙ МАЛЬЧИК

Павел Вежинов

Редактор болг. текста *Татьяна Егерт*

Художник *Румен Ракшиев*

Худ. редактор *Скарлет Панчева*

Техн. редактор *Донка Алфандари*

Корректор *Светла Иванова*

Формат бумаги 70/80/32 Печ. л. 6,25

Государственная типография „Балкан“

31 9536223231

5605—197—83

**библиотека
„Болгария“**

София Пресс
20 коп.

